

Масурская БРИГАДА

Лесса Каури

Лесса Каури
Ласурская бригада
Серия «Другие миры (АСТ)»
Серия «Сказки Тикрейской
земли», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34622006
Золушка и ее команда: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-107775-4

Аннотация

Любите ли вы эльфов так, как они того заслуживают? Готовы ли погубить весь мир ради спасения того, кто вам дорог? Берегитесь! Ласурская бригада найдет ответы на все вопросы и разберется с теми, кто их задает. А если в дело вмешается Любовь, да еще и не одной пары, то результат окажется и вовсе непредсказуемым...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

99

Лесса Каури

Ласурская бригада

© Л. Каури, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Тоскливый взгляд Йожевижа, Синих гор мастера, бесцельно гулял по серо-стальным холмам. Странная здесь была природа, пугающая и завораживающая одновременно. Эти листья, с одной стороны изумрудно-зелёные, с яркими жёлтыми прожилками, с другой – бархатные, опушённые серым... Эти слишком правильной формы холмы... Вода, которой невозможно было напиться, такой вкусной казалась, но стоило отойти пару шагов от источника, как вкус забывался, а жажда возвращалась... Птицы с ярким оперением, подобные произведениям ювелирного – уж он-то в этом разбирался! – искусства. Звери, каких нигде больше не было. Эльфы...

– А не кажется ли вам странным, друзья мои, что мы до сих пор не видели ни одного ушастого? – ворчливо поинтересовался он, оборачиваясь к спутникам.

Хотя спутниками их вряд ли стоило называть. Вот соседями по тюремной камере – вполне.

Лежащий у огня барс многозначительно почесал лапой за ухом и перекатился на другой бок, играя с листиком. В Лималле не было смены времён года. Погода – та менялась, да... Но эта погода могла называться исключительно летней, ну или, на худой конец, погодой начала осени.

– Они соблюдают нейтралитет, – пожал плечами Ягорайрю Воронн, сидящий рядом с Дикраем, – мы нужны не им, мы нужны асурху.

В сложившейся ситуации глупо было делать вид, что всё это лишь из-за контрабанды радужников, поэтому он открылся своим спутникам и не жалел об этом.

– Видать, старик-то наш совсем плох, раз нас так подставили, – грустно вздохнул гном, возвращаясь к костерку. – Каменные ядры, мы что же, так тут и погрём? От старости?

– От голода нам не светит! – улыбнулся Яго, кивнув на жирного тетерева, испускающего сок на самодельном вертеле над огнём.

– Опять мясо! – поморщился Синих гор мастер. – Я уже на него смотреть не могу! Вот бы сейчас оладушек, что моя Виньо печёт, с мёдом и сметаной!

– И Кипиша в придачу! В качестве украшения стола! – серьёзно кивнул Яго.

– Кипиш! – обрадовался гном. – А что, если нам попробовать ему помолиться?

Заинтересованно развернувшийся барс упустил листик, и тот опустился ему на нос.

– Я пробовал, – неохотно признался черноволосый, – но его будто никогда и не существовало. Молитва как в могилу падает...

– Скажешь тоже... – поёжился Йожевиж. – Яго, но ведь надо что-то делать!

Ягорай посмотрел туда же, куда давеча заглядывался Йож, – на холмы, за которыми лежал знойный Крей с его тягучими песнями, горячим воздухом пустыни, полуобнажёнными женщинами, которые поклонялись мужьям, как богам. За этой непреодолимой преградой раскинулась его родина. Ласурия. И где-то там, на побережье, в самой столице, хрупкая волшебница с глазами дикой кошки постигала нелёгкую науку колдовства... Вспоминала ли она о нём? Ягорай всерьёз верил, что да!

Встретившись в Драгобужье с тайным посланцем короля Крамполтота, он получил подписанный договор о сотрудничестве с Ласурией. В это же время в долгий путь от королевских чертогов в Синих горах до Вишенрога отправилась официальная делегация с письмом, полным обычных любезностей и двусмысленностей, которыми так любили обмениваться венценосцы. Лазутчики из Крей-Лималля проявляли к нему живой интерес, делая всё, лишь бы узнать о содержимом, и, видимо, всё же распознали обман...

Пришло время Хорькам возвращаться в Ласурию с радостной вестью. Яго уже представлял, как встретит Вителью у здания Орденской резиденции, вечером, когда она будет

возвращаться с занятий. Встретит, как будто ничего не случилось, как будто она не дарила ему наслаждение с тем, чтобы почти сразу отнять. И если она немного подыграет – они начнут всё заново. А если нет... Он будет пытаться снова и снова, пока рок не поможет ему.

Однако случилось непоправимое. Судя по всему, акция была тщательно спланирована: в одном из трактиров уже на границе с Ласурией им встретился старый знакомец Кривой Кос с большим отрядом. Произошла драка, во время которой неизвестный подменил возвратный порталный свиток. Группе рю Воронна, ослабленной отсутствием двух бойцов, Виньо и Фарки, пришлось уходить от неравного боя, используя портал. И тот, сформированный подменённым заклинанием, выкинул их из Драгобужья не в сторону Ласурии, а в противоположную: в зачарованный на тысячелетия Лималль, законсервированный мир, в котором не действовала никакая магия, кроме исконной. На полуостров, с помощью нескольких отрядов и кораблей ограждения превращённый асурхом в темницу для Ласурских хорьков.

Они ушли в дремучие леса и затаились, снедаемые сомнениями насчёт надёжности убежища: эльфийский дозор, с которым столкнулись, позволил им уйти, а с пустынного побережья были видны крейские корабли с полосатыми, как шершни, парусами. Эльфы их не трогали, крейцы не выпускали.

– Ждать, – помолчав, произнёс Ягорай.

Барс чихнул, будто фыркнул, сгоняя листик с носа, и с любопытством уставился на черноволосого, будто спрашивал: «Чего ждать?»

– Я не знаю, – честно ответил тот. – Пока мы в Лимале, никто не сможет нас найти – здесь не действуют заклинания поиска. А значит, никто не сможет обвинить асурха в попытке сорвать подписание договора между Ласурией и Драгобужьем. Думаю, в это время он пытается предложить Крамполтоту более выгодные условия сотрудничества...

– Мастеровая бляха... – погрузился Йож, – а я ведь жёниться собирался!

– Ждать... – повторил Ягорай и прислушался к себе.

Друзьям его спокойствие казалось наигранным, однако в этих странных лесах он не ощущал опасности. Предвидений, преследовавших его с самого детства, не случилось ни разу с той ночи, когда он «увидел» драку с Кривым Косом. Но тогда их слишком плотно взяли в кольцо, не дав шанса уйти от столкновения.

Рю Воронн скользил взглядом по холмам, наслаждаясь редким по красоте видом. В Вишенроге, в одном из тракторов Квартала Мастеровых висела чуждая картина местного художника, изображающая Дух Изобильной Осени. Она была ярка и выпукла и отличалась от местного изысканно-сдержанного колорита, но в них было нечто общее – в той картине и этом пейзаже. То ли мелкие мазки, чёткие линии, то ли ощущение почти невидимой легчайшей дымки...

Граф Ягорай рю Воронн, тайный эмиссар Его Величества Редьярда Третьего, улыбался, глядя вдаль. Он скучал по своему Вишенрогу. Он скучал по своей женщине, похожей на дикую кошку...

Такие простые, но прежде неведомые чувства наполняли его сердце теплом и надеждой на то, что всё будет хорошо.

* * *

На столе королевского кабинета была разложена карта, та самая, из шкуры кракена, которую так любил рю Вилль. Сейчас он и его высочество Аркей стояли по разным сторонам от стола и молча разглядывали маленькую точку у Ласурской границы, над которой неподвижно висел магический светлячок архимагистра.

– И больше ничего? – уточнил принц, посмотрев на Ники Никорин, сидевшую в кресле.

– Как топором обрублено, ваше высочество! Маячка я не чувствую. Но я поразмышляла прошлую ночь...

Она замолчала, разглядывая свои совершенные ногти.

– Что, Ники? – не выдержал рю Вилль.

– Мне нужно побывать там... Возможно, по остаточному следу излучения портала я смогу хотя бы определить направление, в котором тот сработал.

– Вам не следует покидать столицу, архимагистр, – покачал головой его высочество, – отец не любит, когда вас

нет... – он запнулся.

– Под рукой? – лукаво улыбнулась Никорин. – Так и есть, ваше высочество! Однако проблема слишком серьёзна. Его величеству придётся забыть... – она тоже сделала паузу, – о личных предпочтениях.

– Ники, – вздохнул принц, – неофициальное появление архимагистра из чужой страны на территории суверенного государства может быть воспринято неверно – например, как оскорбление или магический шпионаж. Я не могу отдать такой приказ! А неофициально покидать Вишенрог вы не станете! Ведь не станете же? – он внимательно посмотрел ей в глаза.

– Не-е-ет! Конечно, нет, ваше высочество! – Никорин отчаянно старалась не коситься в сторону рю Вилля. – Разве я могу нарушить приказ?

– Не можете, – хмыкнул Аркей, – вот и славно! А теперь расскажите-ка мне о той крейской волшебнице, за которую вы ходатайствовали перед короной. Я хочу знать, в чём тут дело!

Архимагистр и начальник Тайной канцелярии переглянулись.

– Вы хотите знать всё, ваше высочество? – осторожно уточнила Ники. – Даже ваш отец, когда я попыталась ему осветить... перспективы, отказался слушать, признав, что это слишком крышесносно!

Принц свернул карту и, сбросив ее со стола, сел на отцов-

ское место.

– Если разговор предстоит такой долгий, я прикажу принести морса, – сказал он. – Ну, так что?

Герцог рю Вилль, тяжело вздохнув, опустился в кресло рядом с архимагистром.

– Добро пожаловать в клуб посвящённых, ваше высочество, – невесело заметил он. – Заказывайте морс... и ещё что покрепче. Пригодится!

* * *

Виньовинью и Таришу поселили в комнату, в которой ранее гостевала Вита. Операция по спасению гномеллы неожиданно переросла границы конкретной пары Виньо – Йожевиж, превратившись едва ли не в семейное дело рю Вороннов. Мама Яго оказалась дамой проникательной – сказывался, видимо, приличный придворный и дипломатический опыт. Кроме того, в ней кипела энергия женщины, освобождённой от гнёта мужа. Этакой энергией можно было влёгкую запаливать вулканы!

– Вы, девочки, одни не пойдёте! – заявила она, когда Вителья и Дробуш вернулись в дом на берегу реки, нагруженные новыми вещами для Виньо взамен сгоревших, припасами в дорогу и лёгким охотничьим луком, при виде которого глаза гномеллы радостно вспыхнули.

– Не девочки! – обиженно прогудел Дробуш. – И не одни!

Фирона сердито посмотрела на него.

– Взгляните на себя, молодой человек, ну какой из вас телохранитель? В такой поход надобны профессионалы!

– В смысле? – прищурилась Тариша.

– В смысле, мы идём с вами! – подала голос молчавшая доселе Руфусилья. – Герцогинюшка наняла нас, чтобы вас охранять, ей-то мы уже без надобности, раз Его Светлость отбыл в Узамор! Мало ли с чем вы в дороге повстречаетесь? За ней, вон, – она кивнула на Виту, – вообще охотники за головами гонялись! А вдруг вернуться?

– Пускай возвращаются, сеструха, – усмехнулась Торусилья, – засиделись мы в славном городе Вишенроге! Надобно ручки размять! И ножи!

– Но... – попыталась возразить Вителья.

Фирона, мягко улыбнувшись, покачала головой.

– Бесплезно, моя дорогая девочка, рубаки идут с вами!

Судя по выражению лица фарги, та была категорически против, однако промолчала.

Вита сдалась, отчасти узнавая черты Яго в характере его матери. Она ещё не общалась с архимагистром и понятия не имела, как начать разговор, ведь была обязана Ники назначением в адептуру и ещё многим, но сегодня у неё выдался выходной, и целый день она вместе с Дробушем провела в доме у реки, баюкая ощущение, что вернулась в родную стихию. А вечером, когда Тариша ушла по своим делам, пообещав быть очень осторожной, уединилась с Виньо в той самой

комнате, где когда-то жила сама. И попыталась дотянуться до Кипиша.

Сейчас гномелла и тролль смотрели на неё с явным сочувствием, на всякий случай отойдя в дальний конец комнаты: воздух вокруг волшебницы плавился и светился.

– Не получается! – Вита сердито стукнула кулаком по подоконнику. – Я не знаю, как его оттуда вытащить!

– Впервые слышу о боге, которого можно поставить в кладовку, как метлу, – заметил Вырвиглот. – Вита сильно сердилась!

В голове у девушки означенный бог разразился непристойными ругательствами, да таким визгливым тоном, что она схватилась за челюсть: ажно зубы заныли от воплей!

«Прошу тебя, Кипиш, прекрати орать! – мысленно воскликнула волшебница. – Лучше подскажи, что сделать, чтобы вытащить тебя оттуда?»

Вопли прекратились.

«А если я сам не пойду? – уточнил Кипиш, помолчав. – Вот обиделся я на тебя, видеть тебя не желаю, слышать не хочу!»

«Злопамятный, да? – вздохнула она. – Спасать надо Виньо от родительского произвола, а не прошлые обиды припоминать!»

«И кто это у нас такой мудрый?» – ехидно поинтересовался божок.

Вителья снова вздохнула: «Ну, хорошо! Прости меня, Ки-

пиш-многомудрый! Я была сильно зла на тебя... и на Яго... и вообще на весь мир!»

«Вот-вот, – поддакнул тот, – так сильно была зла на весь мир, что засунула старого доброго бога хаоса в какую-то клоаку! Я понятия не имею, где нахожусь, Вителья! Самому мне отсюда не выбраться, а ты меня найти не можешь!»

«Не могу!» – она готова была разрыдаться. Права была Ники: имея такую Силу, силой воли надо владеть вдвойне, а то и втройне! Иначе наломаешь дров... Уже наломала!

«Не реви, – попросил Кипиш, – ты – моя жрица, поэтому мне тоже плохо делается. Давай дальше думать!»

«Давай!» – согласилась Вита и повернулась к друзьям.

Они с надеждой смотрели на неё, и она никак не могла их подвести!

Вдруг острые коготки впились в колено. От неожиданности Вителья взвизгнула и задрогала ногой, пытаясь стряхнуть... хвостатую деву Жруневьеру.

– Ой, прости, прости, прости, Жрунечка! – разглядев крысиную «принцессу», волшебница отцепила её от штанины и подняла к глазам. – Я тебя ушибла? Какая ты хорошенькая стала!

За прошедшие несколько дней Жруневьера, казалось, отъелась ещё больше. Её серо-чепрачная шкурка лоснилась, из-под белого пузца выглядывали аккуратные розовые лапки, того же цвета нос жадно шевелился. Внимательно посмотрев на девушку, она тихонько пискнула, махнув лапкой

куда-то в никуда:

– Пу-уть!

– Что? – изумилась Вита.

Виньо и Дробуш не выдержали, подошли к ней.

– Она что-то сказала! – воскликнула гномелла. – То есть пискнула!

– Пу-у-уть! – снова пропищала Жруня. И снова махнула лапкой.

Троль со скрипом почесал в затылке и заявил:

– Вот помню что-то такое со Смутных времен...

И вдруг, хорошо поставленным голосом и даже слегка раскачиваясь для ритма, принялся читать по памяти:

Под ясным солнцем этот мир лежит,
Стремится к свету под Пресветлой взором,
В нём каждый к исполнению спешит
Своей задачи. Этот путь узором
Пресветлая однажды соткала,
И по канве судьба идёт неспешно,
Твой путь предсказан, все твои дела,
И только выбор за тобой, конечно...
Будь оборотень, гном ли, человек,
Будь зверь лесной ты или скот домашний,
Ты в явном мире проживёшь свой век,
Твой завтра день повторит день вчерашний.
Но есть изнанка мира... Солнца луч
Не знает путь во тьму, обратный свету!
Пресветлая не дарит взор тому,

Кто проникает в злую тайну эту.
Нечистым тварям тьма дарует вход:
Лишь нетопыри, крысы, тараканы
Изнанку мира знают круглый год,
Им солнце недруг, света путь незван им.
Пресветлая от них отводит взор.
Они иные, сумрачные твари,
Для них не писан и не ткан узор,
Судьбу и выбор Боги им не дали...¹

– Путь! – прошептала Виньо. – Она сказала: путь!

– Путь! Путь! Путь! – запрыгала Жруневьера, в энтузиазме размахивая хвостом.

– Ох! – Вителья села прямо на пол, ощущая себя совершенно измученной. – Значит, ты можешь провести нас к Кипишу?

Жруневьера потыкала в неё когтистой лапкой.

– Тебя!

– Ох! – повторила Вита. – Кипиш там? Ты проведёшь меня к нему? И выведешь обратно?

– Путь! Путь! – запрыгала дева.

– Спроси её: когда? – пересохшими от волнения губами произнесла Виньо, словно сама боялась поинтересоваться.

– Когда? – послушно спросила Вителья.

Вместо ответа Жруня, невзирая на вес, шустро спрыгнула

¹ Здесь и далее (если не указано иное) стихи Татьяны Резниковой специально для «Ласурской бригады».

с её ладоней, дорысила до комода, взобралась на него, подбежала к часам, ткнула пальчиком в цифру двенадцать и прокрутила часовую стрелку на два оборота.

– Завтра пополуночью? – перевёл Дробуш.

Жруневьера мелко закивала, поклонилась с достоинством, спрыгнула с комода и порскнула в угол, под гобелен. Только её и видели.

– Ну, всё! – поднялась волшебница с пола. – Я иду к архимагистру!

– Ты ей всё расскажешь? – с ужасом уточнила Виньо. – И про меня?

Волшебница оглядела маленькую гномеллу.

– Не знаю ещё, – с сомнением ответила она.

И вдруг насторожилась. Прижала палец к губам и бесшумно направилась к двери...

* * *

Они открыли это место случайно – играли в прятки, путали следы, но всё без толку. У Вестаха Золвена из Гончих Псов нюх был исключительный. Находил и тех, кто прятался в мясных рядах, и тех, кто скрывался в районе Красильщиков. Старое здание магистрата, ещё деревянное, лет триста назад могло претендовать на одну из самых высоких точек города, поскольку стояло дальше и выше всего от моря. Нынче покосившиеся, потемневшие палаты, украшенные га-

лереями и обветшавшими переходами, использовали в качестве склада. И его содержимое оказалось тем, что не смог преодолеть даже исключительный нос Вестаха. Здесь хранили табак.

Душистый Драгобужский табак был очень популярен в Вишенроге и у самих гномов, и у исконных ласурцев, которые не столько его курили, сколько нюхали. Табакерки даже стали одними из основных визитных карточек местных мастеров-ювелиров.

Спрятавшиеся в первый раз в старом здании мальчишки-оборотни Весь и Рахен прождали Вестаха до ночи, но так и не дождались. Их позднее возвращение в общежитие университета в тот день вызвало бурные овации у однокашников и два наряда вне очереди за нарушение режима от капитана Свониша, коменданта общежития. С тех пор чердак основного здания, заваленный старинной, рассыхающейся и никому не нужной мебелью, стал их основной штаб-квартирой, тайным убежищем и схроном дорогих каждому мальчишескому сердцу вещей: поломанного оружия, которое мечталось когда-нибудь починить и использовать ради благого дела, колоды для игры в тарракер, самой настоящей колоды, подаренной Весю полковником рю Фринном, пары романов в потрёпанных обложках – про рыцарей, прекрасных дев и страшных демонов. Их любили читать человеческие мальчишки, оборотни же презирали, но... тайно тянулись к запретному, слишком лёгкому чтиву. Узнай о таком полков-

ник Торхаш – высек бы не задумываясь!

Свободного времени у курсантов было немного, однако после того, как объединили человеческий и оборотнический потоки, у оборотней его прибавилось. Преподаватели стали больше внимания уделять студентам-людям, пытаясь подтянуть их знания до уровня знаний нелюдей, по программе ушедших вперёд. Время тренировок и учений для них увеличили, добавили семинары и сократили занятия у оборотней с тем, чтобы ко второму семестру оба потока вышли на один уровень.

– А всё ж таки я не понимаю: зачем это? – удивлялся Рахен Вирон из Серых Разбойников. – Они всё равно никогда не будут сильнее и быстрее нас!

Сероволосый мальчишка с зелёными глазами сидел под круглым окном, стекла в котором давно не было, не обращая внимания на залетавшие с улицы и падавшие ему на голову и плечи снежинки.

– Не будут, – пожал плечами Весь, разглядывая картинки в очередной героической книге, – так это и не требуется!

– А что требуется? – удивился собеседник.

Весь поднял глаза.

– Как мне сказал Лихо... полковник Торхаш, требуется научиться работать в команде, учитывать сильные и слабые стороны друг друга.

– Какие у людей сильные стороны? – фыркнул сероволосый, отворачиваясь.

Он почти не помнил свою семью, свой клан. Ушёл бродяжничать, едва стал чётко различать запахи. Ну, как ушёл... Отправился на охоту, позвала жажда крови, весенние ароматы леса... Сдуру попал в капкан. От страха забыл, как оборачиваться. Пришедший охотник сразу понял, кого поймал – не бывало у настоящих волков таких зеленющих глаз. Вытащил щена из капкана и собирался прибить, опасаясь мести клана. Забывший, как оборачиваться, Рахен звериный инстинкт выживания, однако, не потерял. Вывернулся, укусил, сам не помня куда, ненавистного пленителя и бежал, прихрамывая, прочь-прочь-прочь... Пришёл в себя в телеге, медленно едущей в сторону Вишенрога. Нога была туго перетянута обрывком рубахи. Старый крестьянин нашёл мальчишку у обочины дороги, пожалел, взял с собой. Его Рахен не боялся, но и не доверял ему. Помнил прищуренные недобро глаза того охотника, помнил свою судьбу в них – оборванную коротким ударом иззубренного ножа. Едва представилась возможность сбежать – сбежал. Огромный город для него, такого маленького, был тем же лесом, полным капканов и охотников, но он становился умнее, быстрее, сильнее и учился выживать. Встречались и в его жизни ласковые голоса, руки, протягивающие хлеб и мясо, кружку с молоком, монетку, однако тот прищур на всю жизнь остался шрамом на сердце. Единственный человек, которому он почему-то поверил сразу и безоговорочно, была Матушка Бруни. То ли пахло от неё, как от матери, оставшейся в памяти

не лицом, а запахом и ощущением тепла и объятий, то ли не было в её серо-голубых глазах вечного вопроса человека, разглядывающего оборотня: «А вдруг бросится?»

– Не прав, брат! – коротко ответил Весь. – Подумай!

Рахен раздражённо махнул рукой. Что тут думать? Дверять можно только себе... или другим оборотням! «А Ма-тушка Бруни? – вкрадчиво шепнул внутренний голос. – А её вафли, от одного запаха которых слюна начинает капать с клыков, её улыбка – простая, кажется, только тебе предназначенная, её внимание, когда она слушает, подперев щеку рукой? И эта острая зависть к Весю, который может быть рядом с ней, стоит только захотеть?»

– Не бывает правил без исключений! – сердито буркнул сероволосый, отвечая не столько другу, сколько себе самому. – Пойдём, что ли, брат? Нам ещё доклад по Военной истории делать!

Весь захлопнул книгу не без раздражения.

– Вот ведь какую чушь пишут иногда! – сказал он, направляясь следом за Рахеном. – Мол, нет ничего лучше, как лобызаться под Луной!

– Что делать? – удивился друг.

– Лобызаться, – повторил Весь.

Мальчишки с недоумением посмотрели друг на друга и покраснели. Рахен, стремясь скрыть смущение, сказал несколько неприличных слов и захохотал первым. Весь присоединился.

Гогоча, выбрались на крышу через чердачное окно. Перескочили на соседний дом, с него – на другой, откуда можно было спуститься вниз. Пошли в сторону громады университета, видной даже отсюда. Через час должны были закрыть общежитие: Свониш каждый вечер собственноручно вешал на двери огромный амбарный замок – наглядное подтверждение режимности объекта. Впрочем, поговаривали, что у старшекурсников есть свои способы выбраться наружу во внеуставное время.

Уже на подходе к университету на шедший из подворотни звук – возни, горячего дыхания – оба наострили уши. Переглянулись, дрогнули ноздрями. Там, в темноте, несколько мальчишек с их курса били другого. Чужого. Новенький приступил к занятиям позже, пропустив начало учебного года. Худой, неразговорчивый, смуглый мальчишка с чёрными глазами по имени Карс Астун. Его мать была крейкой, вышедшей замуж за ласурского купца. И в этом ему крупно не повезло.

Новенький, судя по запахам и звукам, чувства страха не испытывал, терпел молча, сопротивлялся яростно. Хоть и был человеком, хоть и имел примесь крейской крови, в сложившихся обстоятельствах заслуживал помощи. Ещё раз переглянувшись, Рахен и Весь ринулись в подворотню, вбились в остро пахнущую агрессией толпу. Кулак Веся заехал под чьи-то рёбра, чей-то кулак ударил его в подбородок. Звериная интуиция не подвела, в последний момент он успел

отдёрнуть голову, и удар пришёлся по касательной. Мощный такой удар толстого кулака. Веславу Гродену из Чёрных Ловцов не нужно было видеть его владельца, чтобы узнать Сандра рю Кравица, сына одного из высокопоставленных ласурских вельмож. С самого начала слияния потоков людей и оборотней тот вместе со своей компанией, состоящий из таких же сынков богатеев, задирает оборотней и тех из человеческих мальчишек, что были слабее.

– Ну, блохастый!.. – дёрнулся под рукой рю Кравиц, разворачиваясь тяжёлым туловом.

Сзади на него набросился Рахен, взял в жёсткий захват, не обращая внимания на двух подручных Сандра, с азартом бивших его по почкам.

С земли поднимался, размазывая кровь по лицу, новичок. Мельком глянув на него – уж очень хотелось завалить толстяка и надавать по откормленным мордасам! – Весь подумал, что тот сейчас сбежит, пользуясь суматохой. Однако Карс обтёр лицо краем разорванной рубахи и ринулся в бой, напав на подручных рю Кравица. Драка перешла из категории «трое на одного» в категорию «на равных». Впрочем, соотношение сил оказалось в пользу пострадавшей стороны, потому что оборотни всяко были сильнее людей. Спустя несколько минут Сандр со товарищи позорно отступили, посылая на голову «блохастых» страшные проклятия. Рахен даже пробежал за ними немного, тоже посылая оскорблениями, а когда вернулся, Весь и Карс, стоя друг против друга,

одинаковым движением стирали кровавую юшку, текущую из носов.

– Хороши! – засмеялся сероволосый, под глазом которого стремительно набухал сиреневый синяк. – Красавцы!

– На себя посмотри! – неожиданно улыбнулся новенький.

Весь не выдержал, хмыкнул. Поинтересовался:

– За что они тебя?

Карс помрачнел, глядя в сторону.

– Нам можешь сказать, – подошедший Рахен стукнул его по плечу. – А ты хорошо дерёшься! о боли не думаешь! Прямо как оборотень!

Даже сквозь кровавые разводы был виден румянец покрасневшего от похвалы Карса.

– Время! – спохватился Весь. – Мы опаздываем!

* * *

Из резко открытой Вительей двери выпала... Торусилья. Обиженно шмыгнув носом, поднялась на ноги, вперила вызывающий взгляд в волшебницу:

– С кем вы тут разговаривали? Я слышала ещё чей-то голос!

– Тебе показалось! – попыталась успокоить её Виньо.

– А вот и нет! Клещами Торуса клянусь, тут кто-то был! – Поводя носом, рубака прошлась по комнате. – Палёным пахнет! Вы чем тут занимались вообще?

Вита и Виньо переглянулись. Обе прекрасно понимали, что не удастся скрыть от новых спутников тайны, ведомые Хорькам.

– В общем, так! – решила девушка. – Виньо, дождись Та-ришу, позови Руфусилью и расскажи им о том... как мы познакомились. Ну и обо всём прочем! Слово возьми – не болтать! Такое слово, как у вас, гномов, принято, нерушимое! А я – к архимагистру. Дробуш?

– Уже иду!

Оставив изумлённых гномелл одних, Вита решительно зашагала в направлении Золотой башни.

К удивлению волшебницы, её там уже ждали.

– Опаздываете, девушка! – Бруттобрут посмотрел на неё из-под густых бровей осуждающе. – Уже все собрались!

Изумлённая Вителья встала на порталные плитки и, оказавшись в покоях Ники, обнаружила второй портал, в котором эффектным знаком вопроса застыла архимагистр собственной персоной.

– Вителья, – строго сказала она, – где ты ходишь? Я тебе Зов ещё час назад отправила!

Виновато кивнув, волшебница шмыгнула мимо неё, понятия не имея, куда попадёт. Час назад она пыталась вытащить Кипиша из... чего-то, блуждая разумом и сознанием в таких местах, куда, видимо, магическому заклинанию Зова пути не было.

Подняв голову, она увидела его высочество Аркея, сидя-

щего за большим столом, на котором лежала карта. Вокруг него в креслах расположились Варгас Серафин, Грой Вирош и герцог рю Вилль, уже знакомый ей по инструктажу перед поездкой в Вожедан. Не зная, как следует себя вести, она поклонилась принцу и оглянулась на Ники.

– Садись, – та кивнула на одно из двух оставшихся свободными кресел и сама устроилась рядом.

– Итак, – начальник Тайной канцелярии качнул указательным пальцем серёжку в ухе, – прежде всего хочу сообщить, что его величество чрезвычайно доволен тем, как вы провернули операцию в Вожедане. Соответствующее денежное вознаграждение уже зачислено на ваши счета от имени короны.

Принц едва заметно кивнул, подтверждая его слова. Вителья разглядывала его высочество Аркея во все глаза – в тронной зале, когда подавала прошение о гражданстве, не до того было. Не сказать, что чрезвычайно красив, однако лицо приятное, тёмные глаза полны не равнодушием и холодом, свойственным вельможам, но уверенностью в себе и спокойствием, присущим тем, кто редко сомневается в собственных решениях. Руки красивые и сильные. Счастлива та женщина, что ощущает их на своём теле...

Вителья Таркан ан Денец вспыхнула и отвела взгляд. Тоска по Яго превращалась в самый настоящий голод, творящий невесть что с её мыслями.

«Во-во! – тут же “включился” ехидный голосок. – Так тебе и надо!»

Сжав зубы, волшебница постаралась не отвлекаться.

– Ваши слаженные действия при устранении демона, – герцог тонко улыбнулся, – убедили нас в том, что вам следует работать в команде, выполняя... нестандартные поручения. Думаю, не стоит говорить, что всё вами услышанное в этой комнате строго конфиденциально, а за разглашение можно потерять жизнь? Не стоит?

Варгас с Витой, переглянувшись, одновременно качнули головами. Грой Вирош ухмыльнулся уголком губ.

– Королевский эмиссар был отправлен в Драгобужье за весьма ценной информацией. Документ с этой информацией он получил и отправился обратно, но пропал в пути. Естественно, на нём был магический маячок, однако установить его местонахождение мы не можем: маячок неактивен. От вас требуется узнать, что случилось с нашим посланником, в идеале – найти его живым, а информацию, которую он везёт – в сохранности. Нет – так хотя бы понять, что произошло и кто в этом виноват. Задача ясна?

– Каков маршрут? – не отвечая, спросил Вирош. Ноздри прямого носа подрагивали, словно он уже встал на след.

Рю Вилль, поднявшись, подошёл к столу, Грой потянулся следом. Именно потянулся – Вита заворожённо следила за его движениями залежавшегося на солнцепёке кота. Он выгнул спину, сцепив руки сзади, потянулся, и всё это – не смущаясь присутствием человека, на чьём челе взблёскивал алмазными искрами королевский венец.

Разглядывая карту, где смешными игрушечными солдатыками был помечен путь королевского эмиссара туда и обратно, волшебница насторожилась. Она знала этот маршрут!

* * *

Бруни заходила в свою комнату со стеснённым сердцем. Тёмные стены, тяжёлые несущие балки потолка, на одной из которых вон в том углу обретался старый паук, чью паутину у неё не поднималась рука порушить, ведь плёл он её, когда в этой комнате ещё жили родители... Мамин туалетный столик с брошенной на нём щёткой, тазиком и кувшинчиком для умываний, вазочкой, полной нехитрых бус... Кровать, в которой ей дарил ночи, полные любви, её Кай...

Сестрички Гретель молча стояли за спиной, и под их взглядами Матушка ощущала себя почти так же, как под охраной целого караула гвардейцев. Снизу, с кухни, доносились оживлённые голоса Питера Коноха, Ваниллы и Пипа. В последнее время дядя у плиты почти не стоял, в ожидании открытия нового трактира устроил себе в углу «лежбище», почти как мастер Понсил в королевской кухне, откуда следил за Конохом, постигающим нелёгкое искусство приготовления вкусных и простых блюд для мастерового люда.

– Вы скажите, если нужно помочь собрать что, ваше высочество! – подала голос Ровенна, которая была смелее сестры.

– Хозяйка, – не оборачиваясь, поправила Бруни, – девоч-

ки, я даже не знаю, что мне брать...

Сёстры переглянулись. Во всегда спокойном голосе владелицы трактира будто собирались прорваться слёзы.

– Берите памятное, хозяйка, – тихо ответила Виеленна, – такое, от чего сердце радуется или плачет. А с остальными вещами как скажете, так и поступим!

Матушка обернулась и посмотрела на неё. За прошедшее время младшая Гретель расцвела, будто сиреневый куст, неожиданно пошедший в рост. Расправила плечи, не сутулилась более, пряча внушительный бюст, на щеках её играл здоровый румянец, на губах – нежная улыбка, всегда тусклые волосы неопределённого цвета заблестели, приобретя красивый пепельно-русый цвет, а новая причёска делала овал лица привлекательным, не утяжеляя его.

– Спасибо, Вилен, – улыбнулась Бруни, – я так и поступлю! Угостите меня и Ванильку ужином? Мой муж будет занят сегодня допоздна, а есть в одиночестве мне не хочется...

Сказала и оборвала фразу. Сколько раз ужинала здесь, в этом доме, одна! Жевала, глядя перед собой, как корова на поле. Ни на что не надеясь, думая лишь о завтрашнем меню и списке продуктов, которые надо закупить на рынке!..

На миг стало так себя жалко, что сердце зашлось!

Ещё раз переглянувшись, служанки подхватили её под руки и потащили вниз, приговаривая:

– Угостим, хозяйка, ещё как угостим! Чего вашей душеньке угодно? Есть куриные желудочки, тушённые в сметане,

жареная картоха, репа, паренная в меду, а хотите, сообразим омлет, как вы с господином Каем любили покушать? С помидорами, ветчиной и зеленью?

Пока готовили омлет, толкаясь у плиты, переругиваясь – каждый хотел поучаствовать, Матушка сквозь занавесь за стойкой разглядывала зал. Стены, столы, скамьи и табуреты казались чужими и родными одновременно, и от этого было впору сойти с ума. Она чуть переместилась, чтобы разглядеть любимое место мужа, и вдруг увидела левее и позади, за столиком, что всегда занимал Григо Турмалин, знакомую густую шевелюру. С недоумением посмотрела на ходившую по залу Виеленну с подносом в руках – та словно не замечала человека, считавшегося пропавшим без вести при пожаре старого дома.

Решительно активировав свиток с иллюзорным обликом, притащенный Дрюней и превращавший её в хрупкую блондинку средних лет, Бруни вышла в зал и направилась к посетителю.

* * *

Бежали так, что забыли, как кого зовут. За минуту до закрытия дверей в общежитие ворвались внутрь и... заскользили на гладком каменном полу, едва не въехав в Его Высокоблагородие Торхаша.

Тот, переглянувшись с комендантом, перевёл на расхри-

станных мальчишек взгляд прищуренных глаз, от которого сделалось нехорошо всем, включая Веслава. Его личные отношения с Лихаем на наказания, накладываемые тем как деканом Факультета оборотней, никак не влияли! Пожалуй, ему доставалось даже больше других.

– Ну? – поинтересовался Лихо, умудрившись вложить в короткое слово всё, что грозило нарушителям режима.

– На нас напали кошки! – буркнул Рахен, уставившись в пол. – Помойные, голодные кошки!

– Вы имеете в виду Вира Фрисбена из Белых Смертей, курсант? – невозмутимо уточнил Лихо.

Белые Смерти были одним из немногих оборотнических кланов, что в царствие человеков не пропали, не рассеялись по Тикрею, а преуспели. Тигры владели соляными шахтами, имели свои торговые корабли для доставки соли в Узамор и Весеречьё... Несмотря на серьёзность ситуации, Весь едва не заржал в голос: обозвать белых тигров помойными, голодными кошками – это было здорово!

Рахен молчал.

– Выпороть, – приказал полковник коменданту, – этих и предыдущих. И всем пять нарядов вне очереди – канализация ждёт своих героев!

Весь тяжело вздохнул – опять чистить клозеты и канализационные шахты, полные трупиков дохлых крыс, которых периодически морили городские алхимики. Но вдруг сообщил, что услышал только что. Лихо сказал: «Этих и преды-

дущих!» Значит, Сандр тоже попался! Вот здорово! Представив толстяка чистящим обувной щёткой нужники, мальчишка расплылся в улыбке – так хорошо они смотрелись друг с другом!

– Выполняйте! – приказал Торхаш и покинул здание общежития.

Капитан Свониш ласково улыбнулся и вдруг рывкнул не хуже мастера Понсила:

– Смир-р-рна! Кр-р-ругом! В дисциплинарный кабинет шагом ар-р-рш!

– Придумали тоже название, – тихонько хмыкнул Карс, – сказали бы проще: пыточная!

Весь покосился на него с удивлением: юморит парень...
Никогда не пороли его, что ли?

Рахен вскинул голову, откидывая длинные волосы с лица. Обратней стричься не заставляли, лишь стягивать волосы в хвосты или косы на занятиях. И отрапортовал:

– Есть, господин комендант!

Весь тихонько улыбнулся: любил сероволосый позёрство. Наверное, представлял себя таким страдающим за правду героем или рыцарем, томящимся в застенках Аркаеша.

В дисциплинарной комнате стояли в ряд пять скамей. На настенной вешалке следовало оставлять мундиры и рубахи, обнажая спины.

Вдоль стены, потупившись в пол, как девицы на выданье, уже томились Сандр рю Кравиц со товарищи.

Новая троица нарушителей разделась и улеглась на скамьи, сцепив руки под ними. В связи с поздним временем Свониш не стал вызывать дежурных для приведения наказания в исполнение, а сам вытащил из стоящего в углу ведра свеженькую связку ивовых розог.

Рядом улеглись Сандр и один из его друзей. Оба старались казаться невозмутимыми.

– О-хо-хо! – одними губами прошептал Рахен.

Порол Свониш знатно – сказывался большой административно-хозяйственный опыт.

– За нарушение параграфа пятнадцать Устава Военного университета... – капитан прошёлся вдоль скамей, отвешивая каждому положенных ударов, – за неуставной вид и нарушение режима пребывания в общежитии... – он двинулся в обратную сторону.

Сцепивший зубы Весь покосился на новенького. Тот упрямо уткнулся лбом в скамью и не издавал ни звука.

Розги свистели, вбивая номера параграфов и правила в непокорные мальчишеские спины.

* * *

Тариша слушала рассказ Виньо и ушам своим не верила! Ах, как жалела, что не познакомилась с ней раньше, – увидела бы своими глазами и воскрешённого бога, и бешеную росомаху, тот самый, третий опытный образец. Да и охота в

камышом на шайлу ей пришлось бы по вкусу! Она представила, как крадётся бесшумно, посверкивая жёлтыми глазами, вдоль реки, как ловит запахи разгорячённых погоней мужских тел, как мягким ударом лапы валит на землю одно из них и лёгким движением челюстей переламывает шейные позвонки или рвёт горло... Как гонится за обезумевшими от страха людьми, ловя восхитительный аромат скорой смерти!

Сёстры-рубачи слушали соплеменницу сосредоточенно и серьёзно.

Когда Виньо закончила, Руфусилья, тяжело вздохнув, потянула из-за лифа свёрток пергамента, развернула, пробежала по нему глазами. Невесело посмотрела на Виньовинью.

– Что ты? – забеспокоилась та.

– Опасное это дело – с богами шутки шутить, – снова вздохнула рубачка. – Знала бы, что с тобой, Виньо, такая муть связана, – отказала бы герцогинюшке в контракте и Тори бы не пустила!

– Да ты!.. – вскинулась младшая.

– Молчать! – рявкнула старшая, стукнув обухом топора по полу. – В игры я тоже поиграть люблю, сеструха, но с богами ни люди, ни гномы, ни оборотни не играют! Это они играют с нами! И, как правило, для игрушек это заканчивается печально!

Виньо, отвернувшись, посмотрела в окно. Что она могла ответить гномелле, видевшей гораздо больше неё самой?

Помолчали.

Тариша широко зевнула, намекая на позднее время. Виньовинья благодарно посмотрела на неё – умеет подруга разрядить обстановку! И обнаружила, что старшая рубака внимательно её разглядывает. А та вдруг добродушно усмехнулась, помахав свитком у неё перед носом:

– Не бойсь, Виньо! Контракт – вот он, подписан! Половину платы мы от герцогинюшки получили, наёмнический сбор в Гильдию выплатили. Так что никуда ты от нас не денешься! Хоть и не лежит у меня сердце к этой прогулке, мы отправляемся с тобой и Витой!

– Уря-я-я! – завопила Торусилья.

Старшая только головой покачала.

Виньовинья поднялась и поклонилась ей.

– Благодарю тебя, Руфусилья Аквилотская, уважаемая рубака, за честность! И прошу, – она обвела взглядом всех присутствующих, – дать мне слово никому не рассказывать об услышанном. Дело, как сказала почтенная Руфусилья, серьёзное!

– Именем Торуса клянусь! – кивнула та.

– Именем Рофуса обещаю никому не рассказывать об услышанном! – потрясла топором Тори.

Фарга молчала, поблёскивая глазами. Виньо выжидающе смотрела на неё.

– Обещаю всем не рассказывать! – выдавила из себя та. – Может, уже спать пойдём?

– Я Виту дождусь, – упрямо наклонила голову Виньо. Ца-

рапнуло что-то в сказанном Таришей, но что – она не поняла.

– Ну, тогда я в купальню первая! – поднялась женщина-оборотень, грациозно потянувшись, и вышла.

– А что, хорош он, твой наречённый? – проводив её глазами, поинтересовалась Тори. – Стоит из-за него учёбу и спокойную жизнь бросать?

Виньовинья мечтательно улыбнулась. Вспомнила заско-рузлую ладонь Йожа под своей щекой – всегда так засыпали!

– Для меня куда как хорош! – сурово ответил она. – И другого гнома мне не надобно!

– Ох, любви-любви... – вздохнула Руфусилья. – Сколько бед от них, не передать приличными словами!

– Это точно, сеструха! – загоготала младшая рубака. – Ну их в недра, любви эти! Хорошо быть независимой и свободной!

Виньо внимательно смотрела на старшую, ожидая ответа. Но неожиданно та промолчала.

* * *

Как ни старалась Вита скрыть смятение, удавалось это ей плохо.

– Ты чего так побледнела? – шёпотом поинтересовался Варгас.

Волшебница, посмотрев на архимагистра, спросила дрогнувшим голосом:

– А как его имя?

– Чьё? – невинно изумилась Ники.

– Королевского эмиссара!

– Граф Ягорай рю Воронн. Знаком? – понимающе ухмыльнулся рю Виль.

Вита кивнула. А что отвечать? Что Яго помог ей нелегально пересечь границу?

Варгас смотрел на неё, прищурившись.

– Мне... мне надо поговорить с вами, архимагистр! – выпалила волшебница. – Прямо сейчас!

– Говори, я слушаю, – улыбнулась та.

– Не здесь... – Вителья ощутила, как стремительно краснеет. – Речь идёт о близком мне человеке, тайну которого я поклялась сохранить! О моей подруге...

Во взгляде Серафина появилось недоумение. Он ожидал совсем другого!

– А какое отношение ваша подруга имеет к эмиссару его величества? – уточнил рю Виль.

– Её жених сопровождает его в этой поездке!

– Ах вот как! – обрадовался герцог. – Так тем более нам стоит послушать вас сообща, Вита! Вдруг вы что-то полезное скажете?

Девушку ужасно смутил его высочество Аркей, до сих пор не произнёсший ни слова. Она украдкой взглянула на него и... замерла под внимательным и тёплым взглядом. Лицо принца оставалось невозмутимым, а взгляд сочувствовал,

поддерживал, побуждал к искренности.

– Я хотела просить Ваше Могущество дать мне академический отпуск, чтобы помочь подруге разыскать жениха, пропавшего вместе с Яго, – выдохнув, призналась она. – С нами собрались идти уважаемые рубаки, сёстры Аквилотские, нанятые по контракту герцогиней рю Воронн, фарга Тариша Виден и мой слуга, Дробуш Вырвиглот.

Сказала и виновато опустила глаза. Она была обязана всем в этой комнате, но собиралась подвести их ради долга дружбы.

– Да это целый гарнизон! – неожиданно захохотал рю Вилль, а его высочество улыбнулся. – Вирош, Серафин, если бы я знал об этом раньше, можно было бы вас и не звать!

– Удивительно, что Твоя Светлость не знала! – ввернула шпильку Никорин. Посмотрела на Виту. – Мда... Тайная спасательная операция превращается в широкомасштабную, но... – она взглянула на Аркея.

– Давайте сделаем паузу, – предложил тот. – Вас, Троян, и вас, Ники, попрошу остаться, а молодые люди могут прогуляться...

– Все в сад! – махнула рукой архимагистр, одним движением открывая портал в заснеженный дворик.

Вирош вышел первым, за ним последовали Вита и Варгас.

– Ситуация вышла из-под контроля Вашей Светлости? – уточнил принц, не глядя на рю Вилля.

Тот порозовел.

– Ну что вы, ваше высочество! Граф, естественно, работал под прикрытием, члены его группы мне поимённо известны. Речь идёт о Йожевиже Агатском, Синих гор мастере, и студентке Высшей Целительской школы Виньовинье, дочери почтенного Цехового старшины Виньогрета Охтинского. По слухам, они копили деньги на свадьбу, собираясь пожениться летом. А видите, как вышло!

– Как близко ваша протеже знает Яго? – принц посмотрел на Ники.

Та ответила коротко:

– Близко.

– Это и правда неплохо, ваше высочество, – осторожно подал голос рю Вилль. – Близкие знакомства с последующим исчезновением одного из участников заставляют второго делать чудеса – это я вам как начальник Тайной канцелярии говорю!

– Или терять голову, – взглянул на него Аркей, – а это я вам – как потенциальный участник. Ники, ваше мнение? Стоит ли превращать операцию, задуманную как тайная, в... балаган?

Архимагистр, встав, подошла к окну и открыла его. Три фигурки – оборотня и двух людей – бесцельно бродили между геометрически выверенными линиями хвойных посадок и казались многоточием в предложении, написанном вечнозелёными чернилами. «Операцию, задуманную как тайная...» – сказал его высочество, намекая на решение отца.

Поступить по-другому – значит пойти против воли Редьярда, чего король не терпел. Но как удержать того, кто следует велению сердца? Ники по себе знала: никак! Запирай, заколдовывай, замуровывай – выберется, выползет, вылетит, выскочит! А друзья помогут. На то они и друзья!

– Стóбит, ваше высочество! – она повернулась. – Я рада признанию Вительи! Пропажа мастера Йожевижа станет для неё дополнительной мотивацией, которая поможет в том, что я собиралась сделать сама, а именно – отследить портал. И кому и когда, скажите на милость, мешали в опасном пути такие попутчики, как рубаки, оборотни или бесконечно преданные слуги?

– Хорошо, – помолчав, согласился принц. – Старший группы – по-прежнему Грой Вирош. Проинструктируйте девушку на этот счёт. Друзья – друзьями, а дисциплина – дисциплиной!

– Конечно, ваше высочество!

– Зовите их обратно.

* * *

Бруни села за стол, прижалась затылком к родным стенам. Подняла глаза на сидящего напротив... Григо Турмалина. С удивлением отметила, как он хорош собой: помолодевший, полный силы и веселья, с лукавым огоньком в глазах редкого, золотистого-карего цвета, с буйной пшеничной шевелю-

рой. Этот человек ничем не напоминал согбенного временем и болезнями старика, чью оплетённую распухшими венами руку она держала в своих, плача, в доме на границе двух кварталов – Мастеровых и Белокостных.

– Добрых улыбок и тёплых объятий, Матушка Бруни! – улыбнулся он, с наслаждением подъедая жарёху с грибами и мясом. – У меня сегодня чудесный день – поел нормальной пищи и увидел тебя!

– Почему никто не удивляется вашему возвращению? – с места в карьер поинтересовалась она. – Почему никто не замечает, каким вы вернулись?

– Почему никто не обращает внимания на женщину, которая несколько лет кормила и поила людей этого квартала каждый день? – вопросом на вопрос ответил он и отодвинул от себя пустую сковородку.

– Вы всё-таки маг! – констатировала Бруни, улыбаясь. – Но мне почему-то кажется, что дело вовсе не в свитке с заклинанием иллюзии!

Григо испытующе посмотрел на неё, а затем откинулся на стуле и заметил:

– Отличное поместье у твоего мужа в Козеполе, девонька!..

На мгновение его голос обрёл силу и глубину, каких не могло быть у человека.

Онемев от изумления, Бруни смотрела в его золотые глаза и видела в них мерцание древнего пламени, мудрость суще-

ства, перевалившего зримые рубежи времени.

– Это был не сон? – ахнула она. – Там, в Козеполье, я видела...

– Меня, – довольно улыбнулся Турмалин, – ты видела меня, девонька!

Перед глазами у Матушки запрыгали искры, будто она крепко въехала куда-то маковкой. Прозвучали из прошлого слова Григо: «С Днём рождения, светлая душа! Мир погрузился бы в темноту, если бы не освещался такими, как ты, огоньками. Я беден, но кое-что хочу подарить тебе от всего сердца! Вот. Возьми». Тогда он подарил ей не ценность, не древний волшебный артефакт... Он отдал ей часть себя!

– Что ты, милая? – Турмалин взял её руки в свои. – Не надо печалиться, ведь всё позади. Мы оба повернули свои судьбы вспять, и можно жить в полную силу!

Помнится, тогда она восприняла его слова об уничтожении людей как предложение Богине сделать это, а ведь он говорил о себе самом! Он и правда мог!

«Богиня выслушала внимательно, – звучал в её памяти усталый хриплый голос, – и ответила так: „Не считай себя венцом творенья! Мы не очень довольны тем, какими получились люди, но и среди них встречаются пылающие сердца и светлые души“». Маг заспорил. Разгорячённый её отказом, не выбирал слов и был груб в выражениях. И чем сильнее он злился, тем спокойнее и прекраснее становилась Богиня. В конце концов она улыбнулась. «Гордецов следует учить... –

сказала она. – Поживи среди людей, поживи как люди, а после этого мы встретимся и поговорим, так ли плохи и ничтожны они все, как ты утверждаешь!»

Григо с грустной улыбкой следил за калейдоскопом эмоций, сменяющихся на её лице.

– Все мы делаем ошибки, девонька, – произнёс он, – но пока живы – можем исправить! Я жив благодаря тебе и твоей самоотверженной любви и благодарен судьбе за это! Не плачь, Бруни, не надо! Всё и правда позади! Лучше расскажи мне: как тебе живётся в таком странном месте, как королевский дворец?

Матушка засмеялась сквозь слёзы, вытерла тыльной стороной ладони мокрые щёки. Боль от потери Кая, слепой ужас тех страшных дней вернулись из прошлого, словно за углом стояли, поджидая, будто и не было её свадьбы, Козеполя и счастья ощущать на своей коже дыхание спящего мужа.

– Вы, как всегда, правы, Григо, дворец – очень странное место! Я пока только обживаюсь там, завожу знакомства. Вот, надо искать секретаря, чувствую, скоро без профессиональной помощи не обойдусь!

Похлопав её по рукам, Турмалин задумчиво откинулся на спинку стула и достал из кармана трубку и кiset. Затаив дыхание, Бруни следила за тем, как он набивает трубку, раскуривает. Как пускает дымовые кольца – куда меньше того, что почти полчаса провисело на коньке крыши поместья в Козеполе.

– Да, помощь тебе надобна! – наконец – сказал он, выдыхая в сторону ароматный дым. – А ежели я попрошусь к тебе в секретари, Твоё Высочество Бруни, окажешь мне такую честь?

Брови Матушки поползли вверх.

– Опыт у меня большой, образований несколько, особенно хорошо помню историю и Ласурское законодательство – в составлении первого свода ваших законов лично участвовал... Было время! Ну, так как? – Турмалин весело посмотрел на неё. – Не откажешь в просьбе старому другу? Надоело бездействовать, понимаешь! Хочу своими руками создавать историю Тикрея!

– Так вы же пропали! – воскликнула Бруни. – Без вести! При пожаре! Да и выглядите лет на тридцать моложе!

– Так я же внешность сменяю, – явно передразнивая её, ответил Григо, – и фамилию тоже! Стану, скажем, Хризопразом. Имечко, пожалуй, оставлю, к нему мы с тобой оба привыкли.

– А как вас зовут на самом деле? – смутившись, спросила Матушка. Дракона о таких вещах спрашивать – всё равно что к самой истории прикасаться!

– У меня тридцать восемь официальных имён и шестьдесят – неофициальных, – охотно пояснил Турмалин. – Может, не надо?

– Не надо! – испуганно ответила она. – Мне Григо очень нравится!

– И мне! – засмеялся тот. – Так когда мне приступить к исполнению обязанностей?

– Приходите завтра во дворец, я вас представлю Ка... его высочеству.

– По рукам! – кивнул Григо и поднялся, бросив на стол несколько монет. – Тогда до завтра, ваше высочество, моя почтенная работодательница!

– Ох! – только и ответила Матушка.

С кухни уже несли за её столик пышущий жаром ароматный омлет, кружку с морсом и свежеспечённые мерзавчики.

* * *

Вита вернулась в дом рю Вороннов глубокой ночью с ощущением полного сумбура в голове. Как-то не укладывались в одну канву боевой маг Варгас Серафин, агент рю Вилля – Грой Вирош, сестрички-рубаки да Виньо с Таришей и Дробушем. Кажется, его высочество подобрал очень правильное слово: балаган!

– Много народу... – пробурчал Дробуш, когда она вкратце рассказала ему об итогах совещания.

– И все такие разные! – вздохнула в ответ Вита. – Но по-другому не получается.

Троль хлопнул её по плечу так, что она едва не упала.

– Не грусти, Вита! Образуется!

– Образуется... – уныло повторила она.

Маявшаяся бессонницей Виньо встретила её у порога вместе с заспанной Тори, по привычке вышедшей посмотреть, кто пришёл.

Взглянув в осунувшееся от беспокойства личико подруги, Вита почувствовала угрызения совести: опять о себе переживала, а надо было – о других! Войдя в комнату, где уже давно спала, отвернувшись к стенке, фарга, рассказала гномелле всё как на духу. По ходу рассказа та бледнела, зеленела, синела, а когда девушка сообщила об истинной причине вояжа Яго и компании – так просто почернела от горя.

– Ненавиш-шу политику! – в последовавшей за рассказом волшебницы паузе раздался шипящий голос Тариши. Та сидела на кровати, подтянув колени к подбородку, и изуродованная половина лица в полумраке казалась почти нормальной. – Грязное дело! Не стоит в такое вляпываться!

Гномелла сверкнула на неё глазами, а затем глубоко вздохнула и успокоилась.

– Ты можешь не идти с нами, – мягко сказала она, – а мне деваться некуда, подруга! Другого пути устроить семейное счастье у меня нет!

Фарга усмехнулась.

– Да разве ж я вас теперь брошу? Арристо свидетель – нет! Просто надобно нам быть очень осторожными, а как быть осторожными в такой... разношёрстной компании?

– А кто такой Арристо? – вдруг спросила Вита.

– Древний бог плодородия, – ответила Торусилья, – покровительствовал самой природе...

– Давайте спать ложиться, – предложила Вита, – утро вечера мудренее, да и Жрунечка обещала помочь!

– А она правда разговаривает? – заинтересовалась Торусилья. – Ни в жисть не поверю, пока не увижу!

– Тебе бы Его Хвостатое Величество Альтура Пенкрысона увидеть! – хихикнула Виньо. – Твой доспех с его и рядом не лежал!

– Хоу! – Торусилья, взяв её за грудки, хорошенько потрянула. – Ты мой доспех не позорь! Я в нём всю Ласурско-Крейскую прошла! Вот, видишь, под мышкой залатано? Едва Братьям душу не отдала! А вот здесь металл потёк? Прямое попадание огненного заклинания со стороны Крея – спасибо, маг толковый рядом оказался, оттянул часть на себя.

– Ты воевала за Ласурию, Тори? – изумилась Вита.

– Многие из нас воевали, – кивнула та, ставя Виньо на пол. – Мы ж наёмники, забыла? Мы с сеструхой по эту сторону фронта работали, а брательник наш – по ту.

– Ещё и брательник... – пробормотала фарга.

Вителья вспомнила боевые вылазки вместе с Варгасом и подумала: а чем, собственно, она отличается от рубаки? Кто-то воюет по эту сторону, кто-то по ту, а корона платит!

– А если бы с братом в бою повстречалась один на один? – с ужасом спросила Виньовинья.

– Дык... – почтенная рубака почесала в затылке, – коли

уплачено, надо отрабатывать!

– Спать! – сердито прервала их Вителья. – Завтра увидимся!

И, развернувшись, вышла из комнаты. Разговор поселил в сердце сомнения, вызвал невольное раздражение.

На улице подставила лицо свежему морозному ветру. Запрокинув голову, дождалась, пока в комнате Виньо и Тариши потухнет лампадка. Никогда не задумывалась над тем, за чем живёт, к чему хочет прийти, поскольку желание ускользнуть от ненавистного брака и переступить границы привычного бытия честной крейской девушки затмило остальные. Сказанное же Торусильей провело черту по сердцу: «Мы с сеструхой по эту сторону фронта работали, а брательник наш – по ту». А она, Вителья Таркан ан Денец, нынче по какую сторону? Ведь Крей, как ни крути, – её родина. Да, вызывающая гнев и боль, да, побуждающая держаться от себя подальше, но... Родина!

* * *

Он помнил эту лесную окраину в залитой ярким солнцем, насыщенной зелени травы и древесных крон. Но сейчас мир был поделён на белое и чёрное – белое поле с едва видной тропкой позади и чёрная громада леса отсюда до самых предгорий. Чаша была заповедной, он запретил в ней охотиться много лет назад, с того самого дня, как его стрела достигла

цели...

Где-то там, в глубине, стояла хижина ведьмы, бывшая гораздо старше её самой. Эстель называла это место «привеченное». Круг Силы, тайное прибежище ведуний, род которых тянулся с начала зримых времён. Бревенчатый домик, покрытый дранкой, питался от соков земли, будто дерево, держался в порядке силой жившей в нём ведьмы, и оттого окна блестели, брёвна не гнили, крыша не проваливалась. Сейчас же, лишившись хозяйки, он наверняка покосился, его крыша разрушилась, а окна казались слепыми глазами, смотрящими в никуда... Редьярд нервно повёл плечами. Как неприятно видеть разлагающийся труп, так и он не желал видеть этот дом! Если бы время, как обещали мудрейшие, действительно залечивало душу, он, возможно, смог бы взглянуть на него без сожалений. Но время не лечило, глушило память, как зар-р-раза ласуровка, прогоняло с крыльца, не имея сил вытурить за околицу.

Его величество спешил, покрутил головой, проверяя, нет ли слежки. Впрочем, в её отсутствии он был уверен – на белом листе засыпанного снегом поля даже мышь была бы заметна!

Молодой конёк, взятый на день из конюшни гостевого дома на окраине города, где они с Дрюней вчера обнаружили себя, задиристо всхрапнул, дыша паром. Ему, разгорячённому бешеной скачкой, позволенной седоком, хотелось движения.

Редьярд подвёл его к первому попавшемуся дереву, намотал поводья на обломанный сук. Упустишь лошадь – то-пай пешком аж до самого Вишенрога, кляня собственную глупость! Пошагал в сторону. Узнавание ударило в сердце остриём копья. Зачерпнув полную пригоршню снега, король втёр его в пылающее лицо. Тропинка к дому начиналась между этими двумя дубами. Он узнал бы их даже с закрытыми глазами: узлы и трещины на коре, переплетение мощных корней, торчащих из-под земли, а нынче скрытых белым покрывалом. Сколько раз проносился мимо, загоня коня, потому что от тоски в сердце и жара в чреслах не знал, куда деваться, и никто не мог заменить её, а ведь он пробовал забиться, и не единожды! Сколько раз стоял здесь, порываясь уйти прочь, но ноги сами переступали через корни, словно через порожек в Храме, и несли вглубь леса, на полянку у ручья... И сколько раз уходил отсюда, не сделав и шага вперёд, баюкая в груди горечь. Горечь, от которой сводило зубы. Горечь, перераставшую в злобу, в ненависть, в желание раздавить, уничтожить, развеять по ветру даже самое маленькое воспоминание.

Губы разучились произносить это имя. Многие годы он даже про себя его не говорил...

Дорожку между двумя дубами замело, а летом зарастала она, родимая, от края до края подорожником да ковылём. Мёртвая тропа в мёртвое место!

– Эстель... – прошептал его величество, с трудом вытал-

кивая из глотки непривычные звуки. – Эстель...

Умерло всё. Только сердце умирать не желало!

* * *

Вителья открыла глаза и сердито оглядела свою команду. Виньо и Тариша, обнимающая её за плечи, сидели на краю постели как два воробья – толстый и тонкий. Почтенные рубаки заняли оба стула у окна, чинно сложили на коленях топоры и приготовились смотреть действие, будто спектакль. Дробуш Вырвиглот, опустившись на пол, привалился спиной к двери, чтобы случайно никто не зашёл.

– Нет, я так не могу! – решительно сказала волшебница. – Ну что вы уставились на меня, как на древнего идола?

– А мы не на тебя, – Торусилья с треском разгрызла орех, извлечённый из кармана, и протянула Хвостатой деве. Та с удовольствием засунула орех за щёку. – Мы на неё!

– Ты сосредотачивайся, сосредотачивайся! – посоветовал тролль. В его голосе звучала гордость: Орденская библиотека обогатила его лексикон многобуквенными словами, которые ужасно интересно было произносить, как черепашку за щекой катать.

– Можно я выйду на улицу? – спросила Вита у Жруни. Та, отчаянно пискнув, поджала хвост.

– Холодно там, куда ты её тащишь? – возмутилась молчавшая доселе Руфусилья.

– Ну не могу я сосредоточиться, когда вы на меня глазееете, как совы в лесу! – возмутилась Вита.

– Стесняюсь спросить у Твоего Могущества, а как ты на боевых вылазках заклинания ткёшь? – ехидно поинтересовалась Тори. – Просишь всех подождать немного, пока войдёшь в нужное настроение?

– Так... интуитивно! – ответила Вита и поперхнулась.

Почтенная Руфусилья, не меняя позы, метнула топорик прямо ей в голову. Волшебница вскинула руки, не задумываясь, однако вместо положенного щита, в последнее время всегда выглядевшего для неё кружевным зонтиком, ухватила огненный шнур, оказавшийся... хвостом странной, пламенем ошетилившейся твари с красными глазами. По краю сознания прошли испуганные, изумлённые крики друзей, и зримый мир перестал существовать, оборотившись во что-то совершенно неопишное. «Пу-у-уть!» – пропищала тварь и потащила девушку через плотные заросли, то и дело стремившиеся хлестнуть по лицу. Вцепившись в хвост, молясь и своим богам, и Пресветлой Индари, волшебница закрыла глаза.

В царящей вокруг ватной тишине звуки стали ощущениями: пространство казалось лёгкими холодными уколами, собственное тело – воздушной воронкой, вдыхаемый воздух – густым горячим питьём, а хлещущие по лицу плети исчезли в тот же момент, как Вита прикрыла веки.

Обоняния коснулся сладковатый запах. Он становился

всё сильнее, и вот уже и слёзы брызнули, и дыхание сбилось, а он всё усиливался и усиливался. Понимая, что задыхается, и не желая погибать в темноте, Вителья открыла глаза и обнаружила себя под подозрительного лимонно-зелёного цвета небом у холма, наваленного из потемневших шаров. Внутри некоторых тлели разноцветные искры, другие же были холодны и покрыты изморозью. Странные твари, лязгая зеленовато-коричневой бронёй и медленно переставляя шипастые ноги, подбирали шары, чтобы перемолоть их в пыль огромными жвалами.

Девушка, закашлявшись, схватилась за горло. Хвостатая дева, выросшая уже размером с тигра, вцепилась ей в плечи когтистыми пальцами, разрывая куртку, и прошипела:

– Не дыш-ш-ши! С-с-совс-с-сем!

Волшебница вытолкнула из себя последний вдох и приготовилась погибать. Её лёгкие не двигались, сердце, трепыхнувшись, остановилось. Вителья Таркан ан Денец застыла в мгновении от смерти.

Проходящая мимо громадина набрала полную пасть шаров и методично заработала челюстями. Прах потёк вверх чёрными дымами, плачущие звуки чьей-то гибели заиграли оркестровыми красками.

– Грустно, да? – раздался над ухом Виты знакомый голосок, и... она обнаружила Кипиша собственной персоной, значительно уменьшившегося в размерах и сидящего у неё на плече. – Я не сразу догадался, что это такое!

– Кипиш! – обрадовалась она, снимая его с плеча на ладонь. – Кипиш, миленький, как я рада тебя видеть!

– Это мёртвые миры, Вита, – не обращая внимания на ее слова, продолжил полумесяц, печально кивая рябым полуплицом, – десятки, сотни тысяч погибших миров! Ты засунула меня на изнанку мироздания, туда, куда они проваливаются после своей гибели!

Смысл его слов не сразу дошёл до сознания волшебницы. А когда дошёл, она прижала божка к сердцу, как испуганная девочка – любимую игрушку, и заозиралась по сторонам. Вот вдали вспыхнуло облако невыносимо яркой болью и отчаянием миллиардов сгорающих в пламени войны живых существ. Свернулось, обуглилось, превратившись в чёрную звезду, рвущуюся вниз. Удар о твердь оказался горьким, как хина. Несколько искр внутри нового шара ещё боролись в темноте, скрывшей чьи-то уничтоженные мечты и надежды, чьи-то любви и ненависти, чьи-то судьбы. Но вот и они погасли одна за другой.

– Прах к праху... – плача, сказала черноволосая красавица, вытирая щёки сразу четырьмя ладошками. – Созидание есть дорога к уничтожению. Творение есть путь гибели! Мы стремились к этому до тех пор, покуда Тикрей не накрыла Вечная ночь, стремились, не понимая, что делаем, к чему идём! Никто из нас не видел подобного, моя жрица, а надо было смотреть, не отворачиваясь, заставлять друг друга не закрывать глаза!

Погибший мир скрылся в пасти чудовища, потёк в лимонно-зелёное небо тонкими струйками воспоминаний...

– Я не люблю ни Индари, ни Океанского творца, ни других... – стукнул себя по груди кулаками свирепый воин. – Никого из них, оставшихся в живых за счёт нас, обманом заточённых в небытие! Но – здесь и сейчас – я понимаю, для чего это было нужно. Сами мы бы не остановились... Остались лишь те, кто предпочёл поделиться властью над Тикрем, а не уничтожить его, лишь бы не достался никому!

Чудовище, остановившись, повернуло голову в сторону говорившего. В маленьких глазах не было разума, только чужеродная ненависть, непонятная и холодная, как враждебные глубины небес.

– Пойдём отсюда, – прошептала Вита пересохшими от ужаса губами, – пойдём домой, Кипиш...

Тварь сделала шаг к ним, нависла, закрывая небо. Размер – то, что помешало волшебнице раньше узнать её! В обычном мире эти существа звались тараканами и кишели на помойках и в нечистых местах, поедая отходы; здесь они делали то же самое... Вот только отходы были отходами мироздания!

– Пу-у-ть! – взревела огненная тварь с красными глазами, хватая Виту за шкуру и отпрыгивая прочь с того места, куда опускалась гигантская шипастая лапа.

Зловонные челюсти разочарованно клацнули над их головами, сместив небо куда-то вбок...

Огромными прыжками Хвостатая дева понеслась прочь, разбивая в прах крепкими пятками цвета тлеющих углей миры, которым не суждено было возродиться.

* * *

Цеховой старшина Тоннертротт, Синих гор мастер, служил Хранителем Королевского Молота более двухсот лет. Такой вклад в историю Родины не каждому был по силам! Вступив в должность далеко не безбородым юнцом, он навсегда лишил себя возможности когда-нибудь взойти на костяной трон, украшенный радужниками и шпинелью, но не жалел об этом. Тоннертротт служил уже двум королям и готовился верой и правдой послужить третьему, которого вот-вот должен был избрать Великий Мастерской сход. Ныне почтенный Хранитель сидел на верхней ступеньке трона, держа на коленях символ королевской власти, по преданию, вручённый Братями-богами первому гному, объединившему в ходе Вечной ночи Подгорное царство и Драгобужское на земье в общее государство, и тяжело вздыхал. По причине почтенного возраста ему ставили низкий стульчик с мягкими подушечками, а так-то полагалось сидеть на голом камне ступени, символизируя собой нерушимую власть. Тело Его Величества Крамполтота Первого ещё не отправили по огненной реке во чрево Роженицы-прагоры, а уважающие себя Старшины уже переругались, как простые гномы, упившие-

ся самогоном.

– Король не мог подписать договор с Ласурией! – кричал черноволосый могучий детина, сверкая синими глазами и потрясая кулаками. – Протяжённость границ Драгобужья с Креем больше, чем с Ласурией! На Крейских землях до сих пор не разработаны несколько крупных месторождений газа! Контракт, который предлагает асурх Понтеломус, даст нашей стране не только золото, но и рабочие места для молодых гномов, нуждающихся в полевом опыте!

– Ты лукавишь, Кроссмост! – бухтел сердито в ответ оппонент, седой как лунь Старшина Ваффельсхеер. – Всем известно, что ты торгуешь с Креем и обучаешь их специалистов на своих шахтах, разбазаривая наши тайные знания!

С развевающейся белой бородой и волосами, стянутыми в три толстые косы, он казался бы древним воителем, если бы не поддерживали его под руки два старших сына-тяжеловеса.

– Я давно сотрудничаю с Креем, ты прав, уважаемый Ваффельсхеер, – вопил в ответ собеседник, – потому знаю: слово, данное асурхом, нерушимо! А кто из нас, почтенные мастера, в здравом уме и доброй памяти будет доверять его величеству Редьярду Третьему, прозванному Ласурским лицом? Все ли помнят, как во время Пятилетней войны силами его магов был потоплен караван судов с нашими соотечественниками, шедший в Крей с грузом доспехов и оружия?

– Не доказано! – раздался тяжёлый голос с отдельно возвышавшегося места. Сидевший там гном говорил редко, но

метко. Не прислушиваться к аргументам Драгобужского архимагистра Драгодруга, Синих гор мастера, было опасно: слишком часто непокорные оказывались на штатных должностях в... Гнилом лабиринте.

– Прости, Твоё Могущество! – возразил синеглазый. – Но кому ещё было выгодно потопить наш транспорт в той ситуации?

– Ты забыл кое о чём, – улыбнулся морщинистым лицом маг, – транспорт был предоставлен самим Редьярдом., который к тому же не знал, для чего нам корабли, ведь в контракте не были прописаны ни маршрут, ни груз. Зачем в разгар войны топить часть собственного флота?

– И кто же это, по-твоему, был? – удивился Кроссмост.

– Кто знает... – сверкнул по-прежнему орлиным взглядом Драгодруг и замолчал.

Хранитель Королевского Молота переложил молот с правого колена на левое – тяжёл был, паразит, и стыл нездешним холодом. И вздохнул. Знал, о чём умолчал архимагистр: в той трагедии знающие обвиняли именно Понтеломуса, стремившегося натравить гномов на людей и заставить Ласурию воевать на два фронта.

– Хусним! – вскричал Кроссмост. – Информации никакой, одни тайны и загадки! Я хочу спокойно работать, и много зарабатывать, братья, и не ждать, когда меня ударят в спину! Ответственно заявляю: асурху я верю, а Ласурингам – нет!

Заявление вызвало шквал эмоций среди почтенных мастеров. Сплочённый круг Цеховых старшин разбился на несколько коалиций – за Ласурию, против Ласурии, за Крей, против Крея, против всех и «прекратите орать, я щас оглохну!».

Ещё раз вздохнув, Тоннертротт уронил молот главой на ступеньку. По зале Совета разнёсся вибрирующий низкий гул, от которого у всех присутствующих, включая архимагистра, зубы запрыгали во рту. Подскочившие помощники почтительно поддержали Хранителя под локотки, помогая встать. Тот окидывал задумчивым взглядом спорщиков до тех пор, покуда те не умолкли.

– Его Величество Крамполтот Первый подписал договор о сотрудничестве с Ласурией накануне своей кончины! – печально произнёс он и поклонился пустому трону, и все почтенные Старшины поклонились вместе с ним. – Я сам был свидетелем того, как он из последних сил ставил своё клеймо на документе!

– Так покажи его нам! – воскликнул Кроссмот.

– Не могу, уважаемый, – ещё печальнее ответил Хранитель, – сил у короля хватило на подпись только одного экземпляра договора, и именно он был отправлен его величеству Редьярду!

– Давайте спросим у Ласуринга! – зашумела толпа.

– Эмиссар Редьярда до границы не добрался – пропал без вести, – подал голос коротышка в боевом доспехе, казавший-

ся бочонком, а не гномом из-за коротких ножек и ручек.

Впрочем, впечатление было обманчиво. Почтенный рубака Трумпель, Синих гор мастер, носил на шее золотую гривну Королевского Стража Спокойствия. Кому, как не ему было знать о тайных операциях и исчезновениях на территории Драгобужья?

Судя по тому, как переглянулись архимагистр и Страж, пропавшего без вести искали, но пока безуспешно.

– Нет документа – нет и королевского решения! – припечатал Кроссмот, и Старшины зашумели, соглашаясь. – Положенный срок со дня смерти его величества истёк, Хранитель, потому объявляй Великий сход для избрания нового короля. Авось тот примет решение на благо Подгорного царства!

Тоннертротт с неожиданной силой оттолкнул поддерживавших его гномов. Закинул молот на плечо и подошёл к говорившему. И по мере того как он подходил – неспешно, размеренно и величественно, будто сам был королём, – нарушитель спокойствия, меняясь в лице, потихоньку отступал назад.

В маленьких глазках Хранителя Королевского Молота плескались скорбь и гнев.

– Не тебе решать сие, Кроссмот, – тихо сказал он. – Тело его величества будет предано Прагоре, как только вернутся Цеховые старшины, которые по разным причинам ныне отсутствуют. Только тогда я объявлю Великий Мастеровой

сход, не ранее! – Взяв собеседника за бороду, он притянул его к себе. – Услышал ли ты меня, почтенный мастер? НЕ РАНЕЕ!

– Услышал! – буркнул Кроссмот.

Трумпель одобрительно хэкнул.

– Скажи это громко, малыш, – попросил со своего места архимагистр Драгодруг, – стар я, слышу плохо!

– Услышал! – рявкнул гном, побагровев от стыда и гнева.

Хранитель отпустил его бороду и, посмотрев на остальных, констатировал:

– Малый Мастеровой сход считать закрытым!

* * *

Голова у Виты кружилась, будто лишилась шеи, а четкость зрения не спешила возвращаться, но, судя по звукам, в помещении, в котором оказалась волшебница, было весело.

По плечу и руке пробежало нечто маленькое и когтистое, и девушка облегченно выдохнула: раз Жруня приняла обычный размер, значит, из того страшного места они выбрались. Она с силой потрясла головой, прогоняя искры и дымку, а когда обрела способность видеть – разглядела Дробуша Вырвиглота, который, удерживая одной рукой за шкурку Руфусилью, другой дубасил её по рогатому шелому, отчего тот наезжал на лицо гномеллы всё глубже. Нападающая сзади Тори лупила его топорами плашмя по спине и бокам и азартно

вскрикивала: «Ах ты, слизень ледащий! Ах, паукан недоделанный! А ну отпусти сеструху, отпусти, кому говорю!»

– Йа-ху! – раздался знакомый боевой клич, которому в другой ситуации Вителья бы, несомненно, порадовалась.

Вытащив неведомо откуда огромный надувной молот, Кипиш ринулся в бой и обрушил его на Торусилью, заставив её в ярости развернуться и... выронить топорики.

– Др-р-р-робушек, – в экстазе проурчала кошачья морда, – как я по тебе скучала!

Вырвиглот непочтительно уронил старшую рубаку и проворчал без особой радости:

– А я-то как!

– Что... что здесь происходит? – изумилась Вита.

– Хотела убить Виту! – пояснил Дробуш, указывая на поднимающуюся с пола Руфусилью.

– Хочет убить мою сестру! – с подозрением косясь на смеившую кошачью морду красотку, пояснила Тори и указала на Вырвиглота.

– Они пытаются убить друг друга! – не без радости констатировала Тариша.

– Это какой-то ужас! – бросилась к волшебнице Виньо. – Слава Братьям, с тобой всё в порядке! Кипиш, миленький, ты... похудел?

– Похудеешь тут! – божок сунул надувной молот в руки Торусилье, и тот сдулся, издав неприличный звук. – Кто мне там молился, я вас внимательно спрашиваю? Никто! А я –

существо нежное, трепетное, без внимания паствы чахну!

– Мы молились, – в голубых глаза гномеллы читалась растерянность, – но ты нас не слышал! Мы днём и ночью молились!..

– Вот ей спасибо скажите! – беззлобно заметил Кипиш, кивая на покрасневшую Вителью. – Так, кто у нас тут... в ассортименте? – Морщинистая старуха закрутила головой, разглядывая незнакомые лица. – Ты, почтенная рубака Руфусилья... Шелом поправь! Сильна, благородна, настоящая воительница. Братья благоволят тебе, а сама ты себя не любишь за... Впрочем, дело прошлое! Ты, уважаемая рубака Торусилья, рукой горяча, легко впадаешь в ярость, но сердце доброе. Из таких получаются отличные берсерки! И ты... фарга Тариша... – божок неожиданно запнулся. Лишь языком зацокал да негромко пробормотал: – Не стоит доверять мертвецам! Ну? – повернулся он к волшебнице. – Рассказывай, что натворили за моё отсутствие?

– Йожа потеряли! У-у-у! – вдруг заплакала Виньовинья. Видимо, для её изнурённого тревогой сознания событий оказалось слишком много.

– Такого видного гнома – и потеряли? – удивился свирепый воин. – Вот ни на минуту нельзя вас одних оставить! Как есть дети!

– У-у-у! – плакала Виньо, размазывая ладошками слёзы по лицу.

– У-у-у! – согласно подвыл Дробуш.

– Э-э-э, – подала голос Руфусилья, – а как нам обращаться к тебе, уважаемый бог?

– Кипиш имя моё, Кипиш, – отмахнулся тот двумя из четырёх рук, – однако, если станешь звать меня Великим, Могучим, Ужасным, Неповторимым, Жутким, Замечательным, Грандиозным, Колоссальным и тому подобное, я не стану возражать!

Вита глазами указала ему на гномеллу. Та скулила тихонько в ладони – вспомнила, видимо, и порушенный дом, и биеение сердца в могучей груди любимого, к которой так любила прижиматься щекой, и как он ключ дарил, и как жениться обещал...

«Кипиш, пожалуйста, пусть ей приснятся хорошие сны! Молю тебя!»

– Устал я! – зевнула кошачья морда. – Завтра с утра приступим к решению наших проблем, а сейчас спать! СПАТЬ!

Обе рубаки, печатая шаг и безуспешно пытаясь оглянуться, покинули комнату. Виньо и Тариша разошлись по своим сторонам кровати, упали на одеяло и мгновенно уснули. Дробуш зевнул, со скрипом почесал в затылке, но сдаваться божественной воле не спешил. А у Виты сна не было ни в одном глазу! Недобрая энергия с изнанки мира наполняла её, побуждая что-нибудь разрушить.

– Очень ты восприимчивая, Вителья, к магии! – погрозил ей пальчиком Кипиш. – Вреда она тебе не приносит, но на-

полняет, как вода губку! Пойдём-ка отсюда, а то ты сейчас способна весь дом до основания разнести. Моли меня оказаться в уединённом месте!

Волшебница сощурила зелёные глаза, сделала пасс руками, открывая портал.

– Ты что же, думаешь, я без тебя не справлюсь? – спросила сердито, шагнув в воронку.

Тролль последовал за ней.

Под ногами простирался влажный, покрытый снегом песок взморья. Направо и налево, покуда хватало глаз, тянулся берег, утыканный острыми скалами, как ёж колючками; шипели серые полосы набегающих на него волн. Здесь было светло, в отличие от Вишенрога, в котором только что пробили полночь большие часы на башне Магистрата. Облака источали жемчужное сияние: то ли Луна прятала за ними стыдливый лик, то ли Солнце не желало показывать свой, сияющий.

– Где мы? – удивилась Вителья, озираясь. Хотела оказаться в безлюдном месте неподалёку от столицы, а вышло вон что!

Свирепый воин повёл носом, принюхиваясь, и приготовился было ответить. Передумывала вместо него уже черно-волосая красotka:

– Давай-ка сама определи!

Вита по привычке запустила Взор, но тут же отозвала. Стоило дать себе приказ, как без дополнительных заклина-

ний она увидела синие и золотые полосы Силы, расчертившие мироздание. Именно они указывали верный курс, когда волшебница бежала из Драгобужья к Ласурской границе.

– Вызови в памяти карту Тикрея, – подсказал Кипиш, – наложи сетку Силы на карту. Делай это до тех пор, пока не ощутишь совпадение. Точка, в которой это случится, и будет точкой твоего физического местонахождения!

Девушка закрыла глаза, чтобы мельтешащие волны не мешали сосредоточиться. Лёгкое головокружение было спутником поиска точки соприкосновения координат. Она увидела зелёное пятно тайги, старые стёсанные клыки гор, которые снижались к морю, каменистые пустоши, полные скал с гранями такими острыми, что о них можно было пораниться... И воскликнула, не открывая глаз:

– Весеречье!

Дробуш тихонько рыкнул. То ли от удивления, то ли от интереса.

– Хорошая девочка! – довольно закивала старушенция, крутя в пальцах многочисленные цепочки, свисающие на брюшко. – А какого... – она покосилась на тролля, – Вырвиглота мы тут оказались?

Вита огляделась. Пляж сменялся каменистым плато, на котором из-за обилия скал совершенно терялась перспектива. Впереди, в море, то тут, то там были разбросаны островки, некоторые совершенно без растительности, другие в скудных кустах и иссохших деревьях, из последних сил цеп-

ляющихся корнями за трещины в камнях. Кроме шума моря и ветра, здесь не существовало иных звуков. Не было ни чая, ни морских орлов, не трепетали вдали паруса кораблей, не текли в воздухе запахи человеческого жилья, дыма, печева...

– Не знаю, Кипиш, – честно призналась девушка. – Я хотела попасть в безлюдное место, где нас никто не услышит.

– Горе ты моё, а не жрица! – мурлыкнула кошачья морда. – Давай, рассказывай, что произошло в моё отсутствие!

– А ты не знаешь? – съехидничал тролль.

Кот недовольно сощурил на него зелёные глаза – волшебница обратила внимание, что они становятся подозрительно похожими на её собственные.

– Знаю отрывками! – отрезал божок, опускаясь на плоский камень и складывая ножки и ручки. – Желая видеть всю картину!

Она тоже забралась на камень, а Дробуш сел позади, прижавшись к ней спиной. Сидеть рядом с ним было тепло и удобно. Благодарно погладив тролля по плечу, Вита принялась рассказывать божку всё, что произошло с ней самой и Хорьками с того момента, как он пропал.

– Всё гораздо лучше, чем я, мяу, ожидал! – воскликнул кот.

– Разве? – удивилась девушка. – А как же Виньо? Йож?.. Яго?..

Произнесла последнее имя и смутилась. Имя – простой

набор звуков, который переставал таким быть, едва обростал ниточками, тянущимися из сердца. И вот уже произнести его без волнения – дело практически невозможное!

Кипиш не ответил. Игрался с цепочками, жмурился, зевал, смотрел в сторону моря. Затем начал сопеть и ёрзать, быстро меняя лица. Вителья, которая ощущала его особым настроением где-то на краю восприятия, занервничала.

– Не егози! – рявкнул на неё свирепый воин. – Мешаешь!

Но нервное напряжение мешало сидеть спокойно. Спрыгнув с камня, она принялась ходить по берегу, подбирая камешки и бросая их в воду.

– Однако, – громко сказал Кипиш и в следующую секунду уже сидел у неё на плече. – Их нигде нет! Я их не чувствую!

– Как?! – возмутилась девушка. – Ты же бог! Ты всё можешь! Кипиш, миленький, умоляю...

– Прекрати выть, – посоветовал тот. – Давай-ка поразмышляем! В этом мире есть несколько мест, закрытых от чужеродной магии исконной Силой, например Лималль, Хрустальное королевство. Никакой маячок с этой стороны по ту сторону границы не сработает. Но я-то не маячок! Если их нет нигде на Тикрее, – а их нет! – но есть, скажем, в Лималле, я должен чувствовать! Вита, – рябой полумесяц посмотрел на неё с подозрением, – поклянись мне, что не засовывала Ягорая рю Воронна куда-то! Вроде того, как поступила со мной.

– Клянусь! – горячо воскликнула Вителья. – Клянусь чем

хочешь! Можешь у Виньо спросить, он был с Йожем, когда они уходили на задание!

Божок помрачнел.

– Плохо это... Очень плохо!

– Почему? – помертвевшими от ужаса губами спросила девушка.

Кипиш посмотрел на неё тёмными глазами. В этот момент его лица менялись с бешеной скоростью, лишь взгляд оставался неподвижен и насторожен.

– Потому что либо они мертвы, либо их укрывает кто-то... подобный мне!

* * *

Драгобужская делегация отбывала утром. Без пяти восемь воздух над одним из внутренних дворов замка поплыл – архимагистр Никорин открывала портал в чертоги Синих гор.

В первой линии провожающих стояли плечом к плечу оба принца с супругами. Их Гаракенские Величества наблюдали за проводами с открытой галереи – уже завтра и они должны были отплыть на родину.

– Подвиньтесь! – раздалось ворчание медведя, разбуженного зимой, и между принцами втиснулся Редьярд Третий, на чьём лице сейчас более чем когда-либо были заметны следы прожитых лет и литров испитого.

Король сердито рванул ворот камзола и свежей рубашки

(они с Дрюней вернулись во дворец в пять утра и успели опохмелиться, позавтракать и вымыться). Рядом с королём тут же неведомо откуда появились двое – хрупкий секретарь с голубыми глазами и волкодав с изяществом тяжеловеса и радужками цвета янтаря.

– Где главы Гильдий? – рыкнул Редьярд на обоих.

Стрёма гулко гавкнул.

Старший сын покосился на отца с удивлением, но ничего не сказал. Младший безмятежно улыбался, поглядывая по сторонам.

– Мы здесь, ваше величество!

Коротконогий гном-механик Фсешертротт и долговязый человек-плотник Аваль Мурон, выйдя из толпы провожающих, низко поклонились. За их спинами подмастерья поставили на землю нечто, укутанное мешковиной.

Король пронзительно глянул на обоих мастеров:

– Помните: головами отвечаете!

– Всё сделано в лучшем виде, не беспокойтесь, ваше величество! – мастер Мурон улыбнулся не без гордости.

– Зашибенская вышла вещь! – поддержал его почтенный Фсешертротт. – Испытывал лично, в том числе в экстремальных условиях! И признаюсь вашему величеству: как вы и просили, думается легко, но на корабль я боле не ходок! Земля – Мать, и на том стоял и стоять буду!

Его величество благосклонно кивнул в ответ и повернул голову на лязг. В полном составе, ведомая рыжим Цеховым

старшиной, спускалась по лестнице делегация гномов. Бороды и косы развевались, лица были серьёзны и сосредоточенны: не на пир возвращались в Синие чертоги уважаемые делегаты – шли на похороны того, кого в народе называли «Наш» и «Отец».

Архимагистр Никорин подняла руку над головой, показывая, что всё готово.

Воздух дрожал по краям открывшегося портала, а за ним, в полумраке залы, белел королевский трон, взблёскивая красной шпинелью, будто сотнями злых глаз. На первой ступеньке у трона неподвижно стоял гном в богатом, мехом и золотым шитьём отороченном кафтане и с молотом на плече.

Трон был пуст.

Его величество Редьярд шагнул вперёд и низко поклонился пустующему предмету мебели. По толпе придворных прошли возмущённые, изумлённые и восторженные шепотки. Ласурский король не склонял головы нигде, кроме как в Храме Пресветлой!

Дёрнув брата за рукав, его высочество Аркей поклонился сам и заставил поклониться его.

– Пусть земные недра будут пуховой периной Его Величеству Подгорному королю Крамполтоту Третьему! – громко сказал Редьярд. – Мы будем помнить его как величайшего правителя Тикрея, радевшего за мирное сосуществование наших народов!

Гномы, одновременно лязгнув каблуками, остановились.

Поклонившись трону, а затем королю, Цеховой старшина Виньогрет протянул ему руку.

– От имени... – он запнулся, едва не оглянулся на опустевшие чертоги, но справился с собой и продолжил. – ... Подгорного народа благодарю тебя за тёплый приём и незабываемые пиры! Надеюсь, ещё свидимся!

Редьярд с искренним удовольствием пожал его ладонь и, задержав в своих, продолжил:

– Прими наш дар, почтенный старшина Виньогрет, и вы, уважаемые гномы! Я бы хотел продемонстрировать его во всей красе, дабы дать вам насладиться нашим изобретением, как вы дали нам насладиться самоходным экипажем, этим шедевром механической мысли... Но ситуация не располагает! А посему смотреть подарок будете дома! Надеюсь, он вам понравится!

Виньогрет ещё раз поклонился, сделал знак своим. Несколько гномов подняли носилки с подарком и вернулись в строй. Железный ромб перегруппировался с тем, чтобы остриё смотрело в портал. На мгновение стало тихо. А затем, печатая шаг, вызывая во внутреннем дворе тысячи отголосков, Драгобужская делегация втянулась в воронку перехода. Последнее, что увидели Редьярд со свитой, – как они, нарушив строй, окружили пустующий трон, будто овцы, лишившиеся пастыря. Никорин милосердно закрыла портал. Минуты слабости гномов не должны были принадлежать никому, кроме них самих!

– Отец, – тихо спросил принц Аркей, наклонившись к нему, – а что за подарок-то?

Его величество проследил, как покидает двор Ники. Почесал бороду. Повернулся к сыну и внушительно сообщил:

– Телескопический гальюн с плавным ходом движения и противоскользящим покрытием. Аварийный насос в комплекте!

* * *

Грой Вирош поднял голову от карты и окинул присутствующих внимательным взглядом жёлтых глаз, под которым хотелось поёжиться.

– До Ласурской границы доберёмся свитками, далее верхом. Отслеживать весь маршрут нам не нужно, важна его конечная точка – трактир под названием «Драная кошка». Всем ясно?

– Ясно, – кивнула Руфусилья, – а какова наша легенда?

Оборотень неожиданно улыбнулся, теряя всю присущую ему жутковатость. И кивнул на Виньо:

– А вот она замуж выходит, студентка наша. Едет на родину, к суженому, а мы все приглашены на свадьбу.

Гномелла расцвела улыбкой против своей воли. Так это здорово звучало: «Мы все приглашены на свадьбу»!

В коридоре послышались голоса. Дверь была распахнута Тито, и в комнату Виньо и Тариши, превращённую во вре-

менную штаб-квартиру спасательной бригады, вошёл запыхавшийся Серафин.

– Прощу меня простить за опоздание! Дела задержали!

Сидевшая на подоконнике Торусилья вдруг спрыгнула с него, будто свалилась.

– Глазам своим не верю!

Она подкатилась к изумлённому магу и крепко обняла его, уткнувшись лицом ему в живот.

– Пресвятые тапочки! – воскликнул тот, обнимая её в ответ и чмокая в макушку. – Торусилья Аквилотская по прозвищу Яростная Муха! Живёхонька, здоровёхонька!

Вителья смотрела на них, улыбаясь, хоть и не понимала, откуда они знают друг друга.

Старшая рубака, поднявшись со стоящего у окна кресла, подошла к магу и чинно поклонилась.

– Добрых улыбок и тёплых объятий тебе, Варгас! Рада видеть!

Тот поклонился в ответ, хоть и мешалось образование у талии в виде Тори.

– Почтенная Руфусилья Аквилотская, Неистовая Рубака, ответно рад! Вот не ожидал вас здесь встретить!

– Да мы уже года два в Вишенроге обретаемся, – отлипла от него Тори и постучала кулаком по доспеху. – Виньо, давеча я рассказывала тебе о маге, который меня спас! Так вот он, перед тобой! Красавец! Умница!

Тариша фыркнула и накинула капюшон, чтобы скрыть ли-

цо.

– Вита, – повернулся к волшебнице напарник, – представишь меня своим друзьям?

Она представила их по очереди. Дождавшись окончания знакомства, Грой свернул карту и убрал её в поясную сумку.

– Ну что ж... – белозубо улыбнулся он, – раз всем всё ясно, выступаем завтра. Отправимся прямо из Золотой башни после обеда, к вечеру пересечём границу с Драгобужьем. Документы, оружие, припасы раздам завтра. Варгас, идём со мной, ты мне нужен!

– Да я только пришёл! – возмутился маг. – А как же поболтать со старыми друзьями?

– Успеешь ещё, – хмыкнул оборотень. – Идём!

Серафин поклонился гномеллам, кивнул остальным, посмотрел на волшебницу и последовал за Вирошем.

– А ты ему нравишься, Вита, – мурлыкнула фарга из-под капюшона. – Он о тебе мечтает... ночами!

«И не только ночами!» – добавил невидимый Кипиш Вите на ухо.

– Тариша! – укоризненно воскликнула Виньо.

– Ну, я что чувствую – то и говорю, – пожала плечами та, – обоняние у нас, оборотней, исключительное.

Ощущая, что краснеет, волшебница взглянула на Виньовинью.

– Кстати, насчёт ночей! Сегодня нужно не мечтать, а хорошенько выспаться! Виньо, тебе ясно?

У гномеллы вдруг задрожали губы. Хотела ответить, что не мечтает, а тревожится, места себе не находит, да горло перехватило. Сдавило будто петлёй...

– Да что ж ты плакса такая, Виньо, а? – неожиданно рявкнула Руфусилья. – И как с тобой в поход идти, ежели у тебя глаза всё одно на мокром месте обретаются!

– Я... я... – попыталась оправдаться та и расплакалась уже всерьёз.

– Тьфу ты, любовью ушибленная! – сплюнула рубака и быстро вышла, едва не вынеся дверь.

Вита изумлённо переглянулась с Тори. Та тяжело вздохнула. Молча подошла к сидящей на кровати Виньо, присела с другой стороны, обняла её за плечи, попросила:

– Не сердись на сеструху мою, уважаемая Виньовинья! Её однажды тож ушибло этой самой любовью! Так ушибло, что до сих пор искры в глазах имеются!

– Не может быть, – удивилась фарга, – Руф выглядит такой... несгибаемой!

Виньо посмотрела на Тори с надеждой:

– Расскажешь? Ну... если, конечно, можно!

Рубака с сомнением наморщила нос и почесала в затылке.

– Ну, если кратко, без подробностей, то, наверное, можно! Дело было около шестидесяти лет назад, я ещё совсем шмакодьявкой бегала. Топорик мне батька подарил деревянный, вот я и игралась. А Руфусилья тогда уже твёрдо решила рубакою быть и отцу о том сказала, чтоб не искал ей жени-

хов, а тех, кто найдётся, – отваживал. Тот решением её не очень был доволен, думал, найдёт ей мастера из своих – он у нас сталелитейщик, – но перечить не стал. Любил нас батя-ка-то... Ну вот она с утра – на учения, а потом смотрим, задумчивая такая стала приходить. Придёт, сядет у алтаря на скамеечку и давай косы плести. А потом узнали мы, что она с парнем встречается. Не нашенский гном, не из Синих гор, издалека откуда-то. Тоже на рубаку учился, знатен был – по одежке и манерам видать, что не из последних гномов своей тьмутаракани. Вроде всё сладилось у них, а однажды... – Торусилья повздохала, – однажды он уехал и не вернулся. И так торопился, что даже с сеструхой не попрощался! Она его поначалу ждала, а потом озлобилась... Вот с той поры и ходит злобная!

– И даже письма не написал? – с ужасом спросила Виньо.

– Ни письмеца, ни записочки, ни слова доброго не передал.

– Козёл... – констатировала фарга.

– Ты это... почтенного гнома не смей рогатой скотиной звать! – вскинулась Тори.

Однако возмущения в её голосе почти не было.

* * *

Редьярд стоял на пороге своих покоев, и комната казалась ему незнакомой. Из похмельного состояния выплывать было

тяжело и неприятно, хотелось всплыть обратно белым лебедем, да так там и остаться.

– Ваше величество?

– И здесь нашёл? – горько спросил король, поворачиваясь к секретарю. – Нету меня, братец, нету! Ты меня не видишь!

– Но... – попытался возразить тот, трепетно прижимая к себе папку с документами.

– А видишь ты, – с нажимом продолжал его величество, – моего старшего сына Аркея! Вот к нему и иди. У меня отпуск!

Тяжело вздохнув, королевский секретарь ушёл.

– Мне тоже не видеть ваше величество? – прозвенел хрусталём голосок от двери.

Агнуша рю Филонель стояла, придерживая пышные юбки платья и не касаясь носком серебристой туфельки порога.

Редьярд прошёл в покои, рухнул в кресло, налил себе воды, залпом выпил.

– Заходите, моя золотая, – кротко сказал он. – Возможно, ваше колдовское обаяние приведёт меня в норму быстрее деловых бумаг!

– Из ваших уст это звучит как комплимент, – лукаво улыбнулась эльфийка, делая шаг.

Дрогнули подвески из радужников и сапфиров в острых ушках. Колыхнулись низко открытые соблазнительные полушария груди в декольте, отороченном белым мехом.

Подойдя к королю, Агнуша погладила его по голове, как

маленького. И сказала решительно:

– Раздевайтесь!

– Вот так, сразу? – удивился тот.

Она звонко рассмеялась.

– Мы займёмся акупрессурой, ваше величество... в вашем состоянии это куда полезнее фрикций!

Редьярд посмотрел на неё с подозрением, однако послушно снял с себя одежду.

– Ложитесь на живот! – последовал очередной приказ.

– Это что-то новенькое, – пробурчал он, но лёг на кушетку, укрытую мехами.

Послышался звон – эльфийка снимала кольца и перстни, складывала на столик.

Точки на теле короля, на которые она нажимала, вначале горели огнём, а затем тлели, будто угли, распространяя тепло вокруг.

– Полегчало! – с изумлением констатировал Редьярд, переворачиваясь на спину и закинув руки за голову.

Агнуша оглядывала его мощное тело с таким видом, как будто собиралась разделявать. Неожиданно король обнял её и лёгким движением усадил на себя верхом.

– Коли ваша а-ку-прес-сура боле не надобна, может, займёмся фрикциями? – усмехнулся он и полез рукой ей под юбки. – Как сильно вы скучали по мне, моя дорогая?

– Словами не передать, – простонала эльфийка, выгибаясь от его вмешательства в её личное пространство и думая

о том, что надо бы выпить отвара целебных трав для профилактики венерических заболеваний, которые его величество мог притащить с собой на совместное ложе.

* * *

По-над водой тѣк прохладой туман. Ягорай любил пред-рассветные часы более других. Мир в этом времени будто застывал, готовясь сделать шаг в неведомое, и он застывал вместе с ним. Да и спали его попутчики крепко. Даже Дикрай, которому здесь, в Лималльских чащобах, в облике барса было вольготнее, нежели в человеческом, и ухом не повёл, когда рю Воронн, бесшумно ступая, ушёл к реке.

Берега были покрыты осокой и камышом. В разрыве между ними серебрился белым песком сход к воде, будто лунная дорожка на море. Ягорай разделся и без всплеска вошёл в холодную воду. Днём она становилась парной, ласкающей, а ночная стужа несла энергию и силу. В несколько взмахов переплыл небольшую речку. Тело просило движения, мышцы – хорошей драки. Рю Воронн усмехнулся: уже подрались с бандой Кривого Коса. Так подрались, что неизвестно теперь, когда и как попадём домой! Остановился по пояс в воде, любуясь взблесками на поверхности – то отражались Лималльские звёзды, такие крупные, что впору было диву даваться: почему не падают с небес от собственной тяжести? Он иногда задавался вопросом: отчего куда острее

остальных людей ощущал природу? Слышал то, чего не слышали они, хорошо видел в темноте, чувствовал тайные токи под древесной корой и дыхание зверя, бегущего далеко в стороне... Отцу задавать этот вопрос было бесполезно, а мама вряд ли бы сообразила, о чём он спрашивает. Яго был уверен: скажи он об этом Вите, та поняла бы... Но зеленоглазой волшебницы не было рядом.

Воспоминание о её хрупком, нежном теле в его руках обожгло чресла. Благо, стоял Яго в холодной воде, а иначе ни шагу не сделать...

Тонкие пальцы коснулись плеч, провели дорожку вдоль позвоночника, заставляя вздрогнуть волоски, многозначительно остановились на ягодицах. Тёплые ладони отправились вверх, капли холодной воды с них вызывали дрожь... Осознав, что воспоминание обрело плоть, Ягорай резко развернулся, кляня себя за неосмотрительность. И отшатнулся, едва не упав в воду.

Она стояла за спиной. Бледная кожа отливала перламутром, тело было едва прикрыто намокшей тканью платья, облепившей его так, что тайных мест не осталось. Покатые плечи, дерзкие груди, неправдоподобно тонкая талия и восхитительный изгиб бёдер. Рю Воронн поднял взгляд: высокие скулы, удлинённые тёмные глаза, искры в зрачках – то ли звёзды отражаются, то ли душа.

– Кто ты? – осипшим голосом спросил Ягорай. – Видение или человек?

И сам понял, что сморозил глупость. Ну откуда в Лималле взяться людям?

Будто подтверждая его догадку, она завела светлые, длинной до талии волосы за острые ушки. Раковины были украшены серебряными цветками, оплетающими их, с колокольчиками, издавшими тонкий перезвон, едва она качнула головой. Странно, и вода должна была плеснуть, и эти колокольчики – звякнуть, однако девушка подобралась к нему, Ягораю рю Воронну, неслышно, а ведь даже Дикраю это не удавалось!

– Меня зовут Аргониэль, незнакомец, – негромко сказала она. Если бы река имела голос, он был бы таким, как у неё. – А тебя?

– Яго... Ягорай! – поправился он, разглядывая её во все глаза.

Один только взгляд на неё, сияющую в предрассветной тьме подобно Луне, мог навсегда лишить зрения, а он смотрел и не мог насмотреться.

– Ты воин, Ягорай? – она подошла ближе. Пальцы, кажущиеся полупрозрачными, огладили его старые шрамы и новый, подживающий, справа, под рёбрами. Ещё несколько дней, и корка отпадёт, оставив розовую полосу.

Он пожал плечами. От её прикосновений бежала по коже дорожка сладостных судорог, уходя вниз. В пах.

– А ты? – снова отступив и не отвечая на её вопрос, спросил он. – Кто ты?

– Этот лес принадлежит моему клану, – улыбнулась она. – Наше поселение на северо-востоке отсюда. Ты и твои друзья могут прийти в гости!

– Мы здесь случайно, – буркнул Яго.

Зажмуриться, что ли, лишь бы не видеть, как вода колыхает эти груди, поправляя ткань платья так, чтобы она очерчивала тёмные крупные соски?

– Вы здесь давно, – парировала эльфийка. – Мы следили за вами. Вы ведёте себя достойно, охотитесь ради пропитания, а не забавы. Не вредите лесу. Ждёте.

Яго промолчал.

– Приходите! – на миг приникнув к нему, сказала она.

Такая же маленькая, как Вителья. Такая же хрупкая, но как же они различались! Как огонь и воздух, как земля и вода!

– Придём! – пообещал Яго.

Руки сами собой напряглись, скользнули по крутым бёдрам эльфийки, обещающим неземное наслаждение, стоит только развести их...

Рю Воронн спрятал руки за спину и закрыл глаза.

Мимолётное касание по губам... запах диких горчащих трав и росы... Ветер, шепчущий в ивах:

– Я буду ждать!

– Это тебе, это тебе, а это – тебе...

Вирош раздавал свитки с полезными заклинаниями всем, кроме магов. Однако Вита тоже получила свой. Он сильно отличался от других, небольших, туго затянутых в специальные кожаные чехлы. Широкий, оплетённый золотым шнуром с печатью Королевской канцелярии.

– Что это, Грой?

Тот улыбнулся уголками губ, но не ответил. Варгас улыбнулся вместе с ним:

– Открой.

Она развернула свиток. Указ Его Величества о присвоении ей Ласурского гражданства!

«Йа-ху!» – завопил Кипиш в её голове и проявился на плече у Дробуша, оскалившегося так радостно, что стоящая рядом Тори, подозрительно покосившись на соседа, на всякий случай отошла к сестре. Вырвиглот, поморщившись, мизинцем прочистил ухо – видимо, вопли божка слышал наравне с Вительей.

– Поздравляю, – сказал Серафин, внимательно глядя на неё.

Бросилась бы напарнику на шею, да что-то удержало. Волшебница церемонно кивнула, спрятала свиток в поясную сумку. Ни она, ни Варгас не были в форме боевых магов. Пу-

тешественники, которым не чуждо некоторое наплевательское отношение к возможным опасностям, – так выглядели члены спасательной бригады. Виньо вновь надела мужскую одежду, точнее, одежду Тори, которой та, имея с ней один размер, поделилась. И смотрелась теперь почти как рубака, только вместо топора торчали из-за её плеча лёгкий охотничий лук и колчан со стрелами. Троллю справили такие же куртку, штаны и сапоги, как и у Виты, и он стал казаться старшим братом волшебницы, к которому лучше было бы подойти и поздороваться, прежде чем заговорить с сестрой. Во избежание, так сказать.

Герцогиня рю Воронн, наблюдающая за действиями Ви-роша, нервно вздохнула и сжала руки на груди.

Оборотень покосился на неё и заметил:

– Пора!

– Ох! – всхлипнула от двери Матушка Ируна.

Подойдя к ней, Вита ласково взяла её морщинистые руки в свои.

– Не нужно беспокоиться, – попросила она. – Вот увидите, мы скоро вернёмся, и Виньо с Йожем сыграют свадьбу!

– Ох! – всхлипнула Виньо и спряталась за плечо Тариши от гневного взгляда Руфусильи Аквилотской.

В центре комнаты за клубился воздух – Варгас открывал портал в Золотую башню. С той стороны подключилась архимагистр Никорин, без разрешения которой магия по отношению к башне не срабатывала.

Вита, сдерживая волнение, подошла к Фироне. Та поднялась.

– Верю в тебя, дочка, – сказала ей герцогиня, изо всех сил стремясь скрыть за улыбкой беспокойство, – верни их домой!

Волшебница молча поклонилась. Горло перехватило – не оттого, что беспокоилась за Яго и Йожа, об этом Вителья вообще запретила себе думать до поры, а оттого, что ощутила в словах герцогини поддержку и веру. Так много, оказывается, значила вера простого человека в могущество магии... Но ещё больше значила вера одного человека в другого!

Спустя несколько мгновений члены бригады стояли в покоех Ники. Здесь всё так же были разбросаны бумаги на столе, бликовала солнцем морская гладь Тикрейского залива, видимая сквозь огромные окна, пахло чем-то природным, диким – то ли мхом, то ли свежескошенной травой.

Никорин внимательно оглядела столпившихся и подняла руку, будто благословляла. Однако не сказала ни слова, памятуя о традиции, по которой с магами, уходящими на боевое задание, не прощались. Свет, падавший на каменные плиты из портала, ведущего в дом рю Воронна, изменился, побелел. За колышущейся завесой виднелась пустая укатанная снежная дорога, а чуть вдали – дымки ближайшей деревеньки.

Архимагистр кивнула, чуть развела руки, делая портал шире с тем, чтобы в него могли проходить по двое-трое.

Вита шагнула на снежное покрытие тракта и огляделась. Свиток с Ласурским гражданством грел бок через сумку, будто был волшебным. В заплечном мешке с припасами и необходимыми вещами лежало, тщательно укутанное в полотенце, волшебное зеркало мамы. Девушка связывалась с ней только вчера, но вчера о гражданстве ещё было неизвестно. Вот она обрадуется!

– Аккуратней, косолапый! – вдруг прошипела Тариша.

– Сама такая! – обиженно ответил Дробуш, случайно наступивший фарге на ногу при выходе из портала.

Та, скривившись, что-то проворчала под нос. Вита посмотрела на неё внимательно, но не заметила тех огоньков в глазах, что вспыхивали каждый раз у Гроя Вироша при взгляде на тролля. И если в том, что гепард знает, кто таков Вырвиглот на самом деле, волшебница уже не сомневалась, то реакция Тариши оставляла её в недоумении.

Между тем Вирош доставал первый из порталных свитков, умело разворачивал, чуть встряхивая, – чувствовалось, что дело это для него привычное. Очередной портал поднялся у обочины, взметнул белую пыль. До границы Ласурии с Драгобужьем было их ещё три. В конце концов, уже вечером бригада остановилась на ночёвку в придорожной гостинице. Рядом, на пограничной заставе, их ждали лошади – королевские подорожные делали своё дело. В узких комнатах кроватей стояло по две. Девочки и мальчики разбились по парам, а Вителье... досталось ночевать с Дробушем. Серафин было

предложил ему поменяться местами, но тролль так задумчиво посмотрел на него, что маг более с подобными вопросами не приставал.

Ужинали в общем зале. Хотя операция и была тайной, легенда подразумевала некоторую публичность, поэтому Виньо пришлось улыбаться, выслушивая пожелания друзей: единения с женихом, весёлой свадьбы, благословения Братьев и скорейших маленьких гномов и гномелл в ассортименте. Она держалась молодцом, однако спать её Тариша уводила совершенно измученную.

Когда Вита, как была, в одежде, улеглась поверх одеяла и запустила под потолок гоняющихся друг за другом разноцветных светлячков, Дробуш, ворочавшийся на кровати без сна, поднялся.

– Погуляю! – лаконично заявил он и ушёл на улицу.

Послышался собачий лай, который сменился скулежом и тишиной. Собаки были слишком умны.

– Чем займёмся?

Свирепый воин свирепо играл бровями, сидя на кровати Дробуша.

Вителья улыбнулась ему и, нашарив вещмешок, достала волшебное зеркало.

* * *

С моря дул северный хлёткий ветер, гнал по небу низкие

тучи, полные снежной крупы. Неласковое время для королевских проводов, но флагман его величества Йорли Гаракенского и корабль сопровождения уже стояли под парусами. Правитель с той стороны залива обожал морские путешествия и ни за что не променивал их на порталы.

На причале, чуть в стороне от толпы, состоящей из Редьярда Третьего с сыновьями и свитой, а тако же любопытствующих горожан, её высочество Оридана куталась в подбитый горностаем плащ. Капюшон слетел с её головы под порывом ветра, аккуратная причёска разметалась. Тёмные пряди липли к лицу, почти скрывая его, но это было хорошо, поскольку они не позволяли видеть слёзы в глазах принцессы. Маленькая фигурка излучала одиночество и отчаяние. Странно, что никто в толпе будто бы этого не замечал...

На мгновение сжав пальцы мужа, Матушка Бруни подошла к ней сзади и положила руки на плечи, обнимая, как старшая сестра – младшую. Обе не сказали ни слова, глядя, как Гаракенская делегация поднимается на борт. Её величество, всё ещё сияя волшебным юным лицом, царственно махала толпе и ослепительно улыбалась. Она уже попрощалась с дочерью во дворце, в отсутствие чужих взглядов, и не позволяла себе печали, всем видом показывая, как довольна состоявшимся браком. Его величество благосклонно кивал, а принц Харли с тоской оглядывал крыши славного города Вишенрога, в котором осталось так много не окученных его инвентарём грядок. Неугомонный герцог Ориш махал рука-

ми, как крыльями, посылал любимой племяннице воздушные поцелуи. Через несколько месяцев, уладив дела дома, он должен был вернуться, чтобы стать главным распорядителем двора Её Высочества.

Чувствуя под пальцами тихо вздрагивающие плечи Ориданы, Бруни думала о том, что занудная дама История обожает одни и те же сюжетные повороты. Много лет назад так же, наверное, вздрагивали плечи Её величества Рейвин, под сенью дворца Ласурингов навсегда лишившейся северного неба Узамора.

Принц Аркей наклонился к брату.

– Тебе бы стоило быть рядом с супругой сегодня. И не эгоистичным засранцем, как обычно, а нежным и любящим!

– Нежным и любящим засранцем? – уточнил Колька, заржав вполголоса.

Отец, оглянувшись, сурово посмотрел на сыновей.

Аркей тихонько вздохнул, в очередной раз подумав, что брата Пресветлая ему послала в качестве испытания за какие-то неведомые грехи.

– Ну, хоть подари ей что-нибудь, – уняв раздражение, попросил он, – посмотри, плохо совсем девчонке!

Колей посмотрел. Поморщился, как от зубной боли. Уточнил:

– Щенок Стрёмы подойдёт?

– С ума сошёл? – возмутился Аркей. – Ей надо что-нибудь маленькое, изящное и трогательное.

– Пресвятые тапочки! – вздохнул Колей. – Ей-ей, задал ты мне задачку, братец!

– Иногда надо и мозги включать, а не только... бур, – подал из-за их спин голос королевский шут.

– Убью, – привычно заметил младший принц.

В его голубых, так похожих на отцовские глазах зажглись лукавые огоньки, которые старшему были прекрасно известны. Аркей снова вздохнул. Кажется, нечаянно разбудил в Кольке чудовище, от которого никогда не было известно, чего ожидать!

Между тем заверещали боцманские дудки, снасти закрипели, паруса захлопали крыльями гигантской голубиной стаи, и флагман начал потихоньку отчаливать.

Оридана не сдержала всхлипа, которого, слава Индари, не было слышно за шумом воды и ветра.

– Скоро наступит весна, ваше высочество, – вдруг сказала Бруни, и принцесса повернула к ней измученное личико, – ветер станет тёплым и нежным, а на холмах за городом распустятся первоцветы. Знаете, такие синенькие и фиолетовые цветочки? А потом и первые почки появятся на деревьях, хотя капель ещё будет звучать. Она очень звонко стучит по вишенрогской мостовой, капель... Будто игрушечные кузнецы бьют серебряными молоточками по каменным наковаленкам. Городские маги будут растапливать лежалые пласты снега, а дети – пускать кораблики в ручейках. Садовники высадят раннюю рассаду на площадях и скверах, и в этом им

смогут помочь все желающие. Хотите, мы тоже поможем?

– Но... – Оридана замолчала, подыскивая слова. – Принцесса мочь?

– Любой может, – серьёзно сказала Бруни. – Мне рассказывала моя матушка, что Рейвин, когда была жива, тоже помогала высаживать цветы на улицах города. Одевалась как простая горожанка и выходила.

– Как простая?.. О! – заметила принцесса.

Флагман медленно разворачивался, ведомый шкиперскими ладьями. Вот показалась корма, украшенная богатой резьбой и позолотой. Корабль будто давал полюбоваться собой перед тем, как сорваться в бег по волнам.

– А потом прилетят из-за моря птицы. С вашей родины, ваше высочество! И ласточки будут рисовать на небе картины, которые никто кроме них не увидит, а холмы зазвенят от птичьих трелей... Можно будет купаться, дышать солью и ветром, собирать раковины... Ходить под парусом...

Бруни говорила, уже не глядя на принцессу. Она смотрела в море, но не видела быстро удаляющегося Гаракенского флагмана и его эскорта. Она видела старую яхту и отца у штурвала, курящего трубку. Синь и ширь моря в его глазах. Восторг жизни.

– Вы – любить Вишенрог! – сквозь слёзы улыбнулась её высочество.

Бруни перевела на неё сияющий взгляд.

– Вы тоже его полюбите, – сказала она, – вот увидите!

Растительность давно скрыла под собой верхушку этой горы. Деревья-гиганты, на протяжении тысячелетий взращиваемые террасами, сплели кроны в плотный полог-крышу, под которым жил своей тайной жизнью, мерцал тысячью огней-светляков, журчал искусственными ручьями, текущими прямо в желобах ветвей, город-лабиринт – Дайелитель, цитадель лесных эльфов. Здесь почти не было изделий из камня или стали. Лесной народ из камней признавал лишь драгоценные, из стали – только оружейную, да и то многие предпочитали луки мечам, а коли доводилось носить меч, брали лёгкие, деревянные, остротой не уступавшие стальным.

Аргониэль, младшая дочь Лесного владыки Ровиниана, быстро шла по прихотливо изгибавшимся коридорам. Босые ступни ласкал напольный мох. Чуть светящийся, он указывал направление в темноте; впрочем, дорогу принцесса помнила и с закрытыми глазами.

Двери в покои отца были украшены великолепной инкрустацией из рогов доисторического гигантского оленя. Правда, доисторическим он считался за пределами Лималля, здесь же природа царила в той мере и мощи, какие были у неё до появления рода человеческого.

Аргониэль толкнула створки, ступила с пружинящего мха в нежное белое облако. Этот мех разрешалось использовать

в качестве ковров и покрывал исключительно после смерти владельцев – единороги в Лималле умирали только от старости, их тела сжигали на погребальных кострах с почестями, присущими владыкам родов, не меньше.

Отец сидел за столом со старшим сыном, Дарианом. Оба тягостно молчали.

Подойдя, Аргониэль почтительно опустилась перед отцом на колени. Тот положил её на голову широкую сильную ладонь. Принцесса любила отца и восхищалась им как правителем и господином, однако сейчас была встревожена: Владыка выглядел постаревшим, будто путешествие в столицу и обратно отняло у него все силы.

Перехватив его ладонь, Аргониэль приложила её к губам и спросила:

– Что случилось, дани?

– Младенец умер, – ответил за него брат. Подал ей руку, помогая подняться и сесть рядом. – Последний ребёнок Лималля погиб...

– Отчего? – пересохшими от волнения губами спросила она.

Дети в Лималле не рождались уже две сотни лет. Беременность жены одного из советников Мудрейшего воспринималась как чудо, а рождение ребёнка праздновали все эльфы от южной оконечности мыса Последнего шага до северных окраин полуострова.

– От Белой... – отец тяжело вздохнул. – Количество наше-

го народа неизменно сокращается, дети мои. Статистика – страшная вещь для тех, кто понимает. Всё, что нам остаётся, – беречь тех, кто ещё жив, беречь изо всех сил. Арго, – он посмотрел на дочь, – ты сделала то, о чём я просил перед отъездом?

Щёк эльфийки коснулся румянец. Она выглядела взволнованной лишь мгновение, но от старшего брата это не укрылось, и он недовольно сощурился. Людей Дариан почитал за назойливых насекомых, что портят продукты и вещи, мешают спать. Отец в свои тысяча сто пятьдесят пять обладал мудростью, которая давала представление о неумолимом маховике времени, сметающем цивилизации, а сыну в его четыреста восемьдесят она пока была недоступна. Необходимость склониться перед Креем он воспринял с яростью фанатика, и лишь мудрость отца и сочувствие сестры позволили ему пять лет назад не окунуться в бездны безумия. Теперь же асурх ставил условия, которые они были вынуждены выполнять. Понтеломуса Крейского интересовали гости из Ласурии, однако ни пленить их, ни убить тайно или явно асурх не мог: Крей тоже был ослаблен войной, новый конфликт с соседями сейчас ему не требовался.

– Я встретилась с их главарём, дани. Он дал мне слово, что придёт!

– Договор?

– Обыскала его одежду, пока он плавал. Там ничего нет. Человек не носит ни амулетов, ни украшений... Скорее все-

го, договор спрятан.

– Он должен быть у него! – покачал головой Владыка. – Или где-то поблизости. Надо проверить остальных!

– Среди них оборотень, – подал голос Дариан. – Не так-то просто обыскать оборотня, если он того не хочет!

– Значит, оставим этот вопрос открытым до их прибытия. Сын, распорядись подготовить лучшие покои и красивых служанок. С опытом. Мне не нужны назойливые девки, прыгающие в кровать к любому. Мне нужны те, при взгляде на которых глаз отдыхает, а мысли утекают прочь, оставляя в голове одну лишь глупость и вожделение. Арго, – он посмотрел на дочь, – узнай, где договор, и мы получим от Мудрейшего один из артефактов Вечной ночи из его сокровищницы. Это поможет поддержать жизни нашим братьям и сёстрам... и мне!

– Я всё сделаю, дани, – в глазах принцессы блеснули слёзы, – я сделала бы это, даже если бы человек был уродлив.

– А-а-а, так он привлекателен? – иронично изогнул бровь Дариан.

Сестра сердито шлёпнула его по руке, поднялась и быстро вышла.

– Люди – это зараза! – проследив за ней взглядом, заметил принц. – Отец, ты не боишься, что она потеряет голову?

Владыка помолчал. Где-то в переплетениях потолочных ветвей, с которых на тонких нитях свешивались звёзды-светильники, запел сверчок. Одинокий голос в ночи.

– Я боюсь, что от эльфов скоро останутся лишь воспоминания... – тихо сказал он.

* * *

Королевская семья ужинала в отсутствие младшего принца. Кольку искали по всему замку, но так и не нашли. Его величество Редьярд повздыхал, вызвал полковника Торхаша – только ему он или Аркей могли поручить такое деликатное дело – и попросил немедленно разыскать и притащить на ужин беспутного сына. Королю, как это ни казалось странным, милосердие вовсе не было чуждо, а на принцессу Оридану, с прямой спиной, вытянувшимся бледным лицом и сухими глазами, невозможно было смотреть без слёз.

Однако его высочество нашёлся сам.

Двери в Малую Королевскую столовую торжественно пахнулись, и на пороге показался он, красавец и герой девичьих мечтаний и влажных снов! Принц держал на плече небольшой мешок, в котором что-то возилось.

– Ты опоздал на ужин, – заметил Редьярд.

Матушка Бруни посмотрела на Оридану. Оридана на мужа не смотрела, глубоко уйдя в нерадостные мысли. Тем большим было её изумление, когда он подошёл, опустился перед ней на корточки и проговорил:

– Эй, ваше высочество, а у меня для вас есть подарок! Желаете взглянуть?

От принца так несло гномьим самогоном, что Оридана расчихалась. Это привело её в чувство. Она сердито посмотрела на мужа и заявила:

– Подарить бутылку? Я не пить!

– Какую бутылку? – изумился принц. – Я женщинам бутылок не дарю! Ни бутылок, ни кувшинов, ни кубков...

– Ни тазиков... – подсказал шут, сидящий напротив короля так, что непонятно было, кто из них на самом деле восседает во главе стола.

– Ни тазиков, ни вёдер и ни корытец! – покорно согласился принц и сел прямо на пол, положив мешок на колени. Тот дёрнулся и взвизгнул. Протестующе.

– Моя дорогая жёнушка, – продолжил Колей заплетающимся языком, – поверьте мне, я знаю, какво это – терять родителей!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.